

95.103(1)

ХУДОЖНИК

Б.В.Миловидов

Р.Озерная

05

Р. Озерная

85.103/2/75е2

ХУДОЖНИК
Б.В.Миловидов

0-46

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

+

60518 ✓

ГБЭЛИНГНАЯ
П-СФСОЭЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
САРАТОВГЭССТРОЯ

03

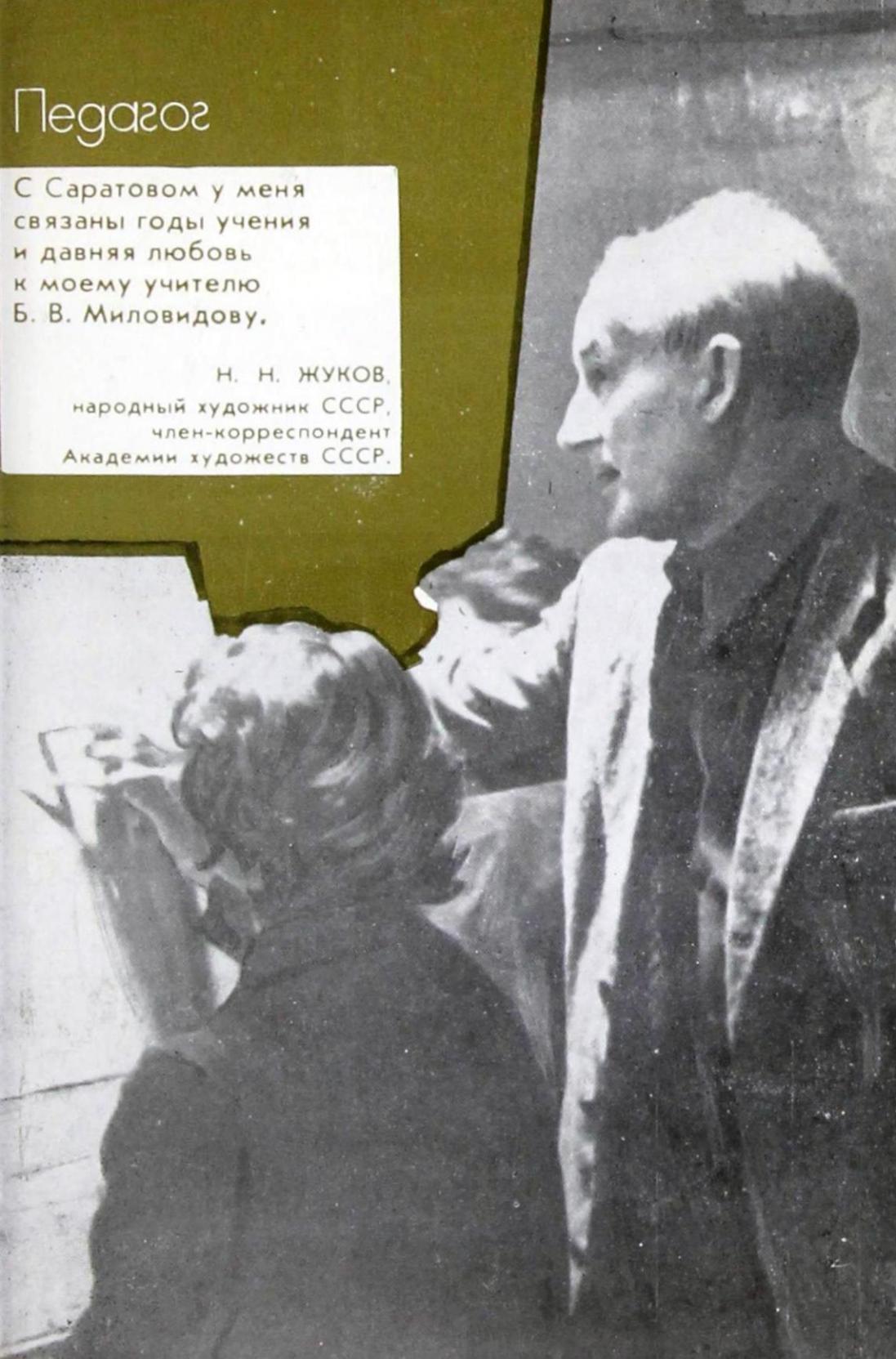
Саратов
Приволжское
книжное
издательство
1978

75C2
O-46

Педагог

С Саратовом у меня
связаны годы учения
и давняя любовь
к моему учителю
Б. В. Миловидову.

Н. Н. ЖУКОВ,
народный художник СССР,
член-корреспондент
Академии художеств СССР.

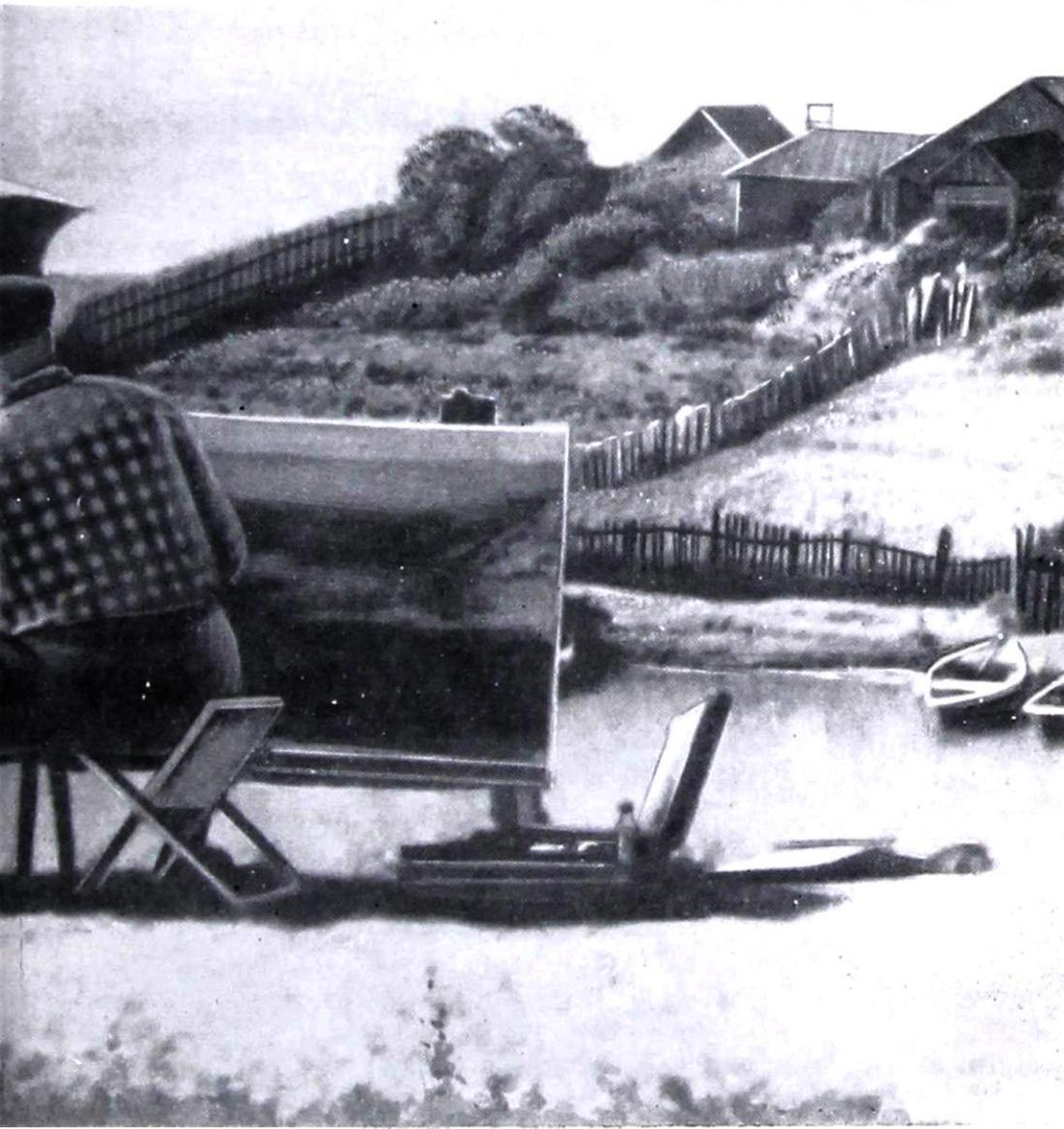

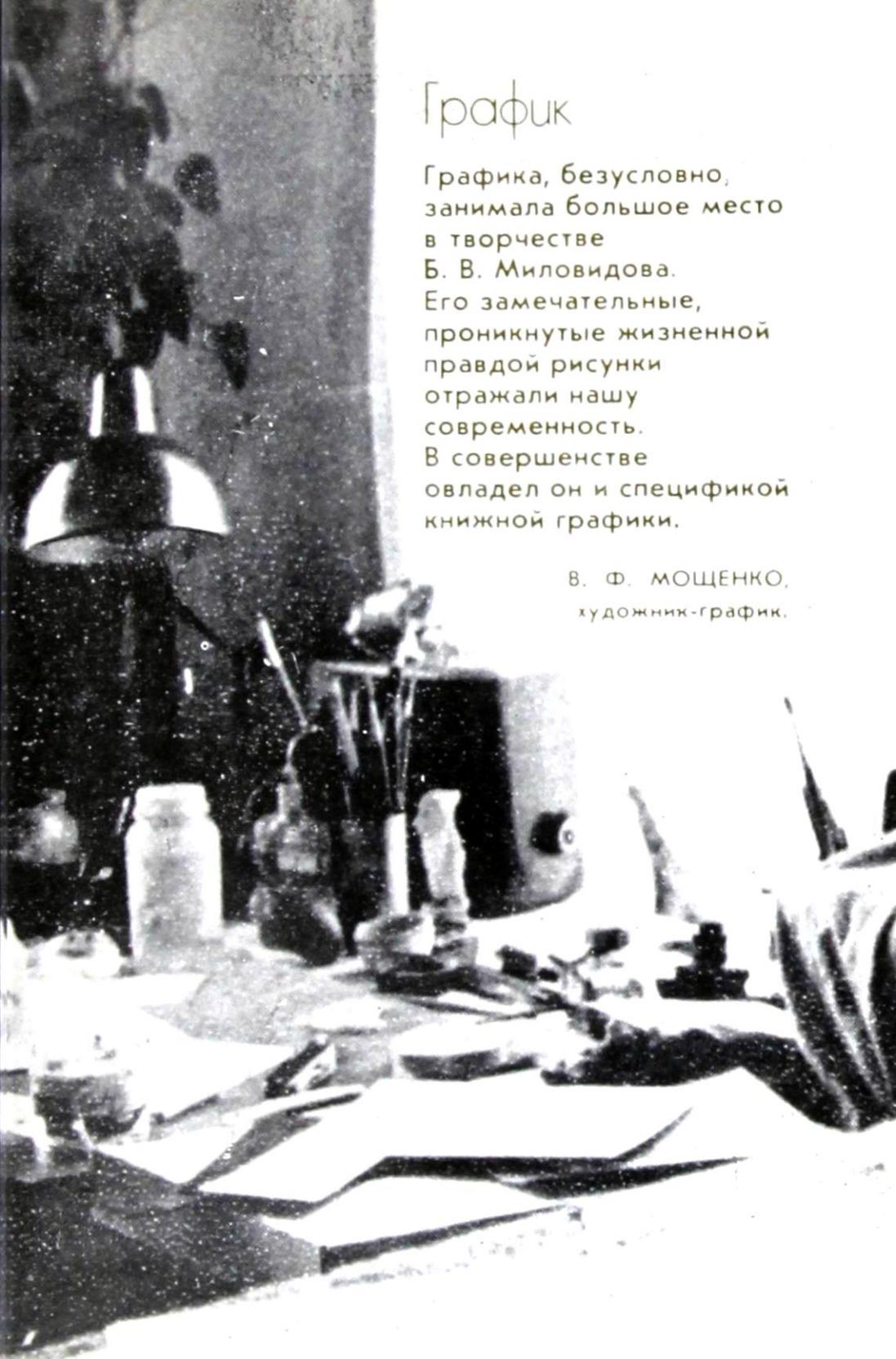
Живописец

В искусстве, в том числе и изобразительном, главное — выражение мысли, чувства, мироощущения, всего того, что можно назвать духовной атмосферой времени. Мне и хотелось в моих живописных пейзажах выразить эту духовную атмосферу нашего времени.

Б. В. МИЛОВИДОВ

График

Графика, безусловно, занимала большое место в творчестве Б. В. Миловидова. Его замечательные, проникнутые жизненной правдой рисунки отражали нашу современность. В совершенстве овладел он и спецификой книжной графики.

В. Ф. МОЩЕНКО,
художник-график.

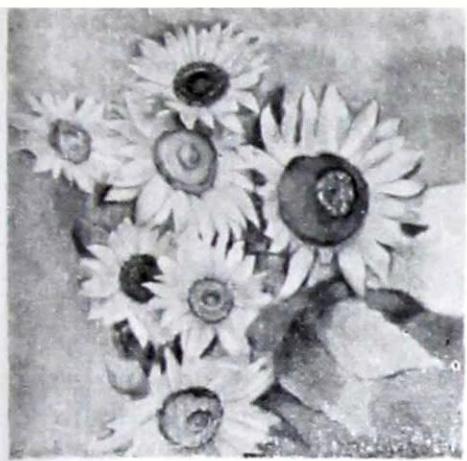
Встреча Б. В. Миловидова с учениками и работниками культуры (1951 г.). В центре: справа — Б. В. Миловидов, слева — народный художник СССР Н. Н. Жуков.

Б. В. Миловидов на встрече с посетителями его юбилейной выставки 1973

Б. В. Миловидов и художник Е. Ф. Тимофеев в Саратовском Дворце пионеров и школьников. Миловидов рассказывает о своей работе по росписи стен Дворца

«Подсолнухи», 1927 г. (масло).

«Портрет дочери», 1936 г. (масло).

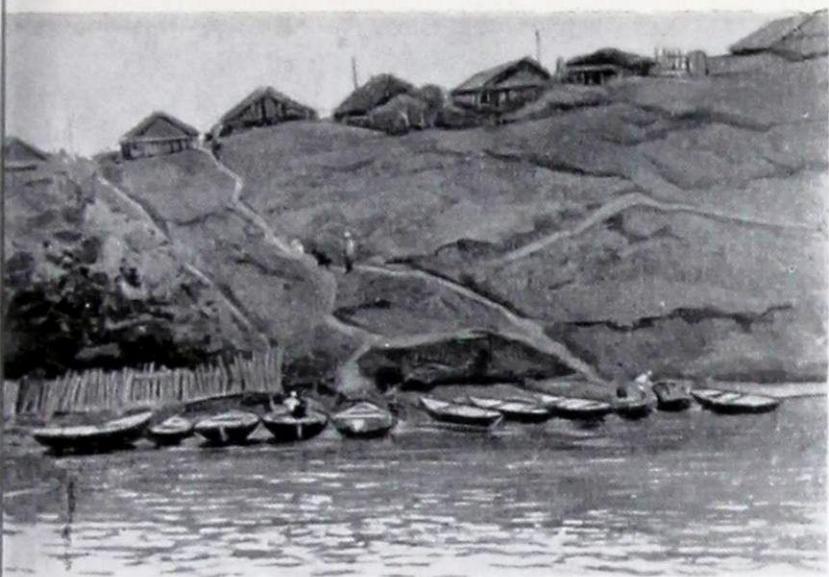
Б. В. Миловидов на Зеленом острове
(1967 г.).

«Ветлы», 1934 г. (масло).

«Яхты», 1949 г. (масло).

«Протока у Пристанного», 1967 г.
(масло).

«Нива золотая», 1968 г. (масло).

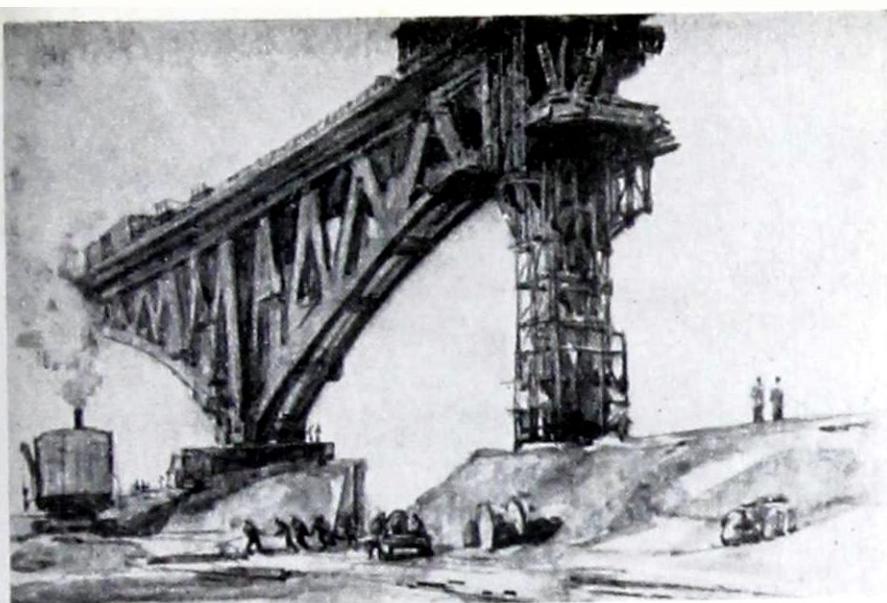

«Плоды Грузии», 1969 г. (масло).

Плакат саратовского «Агитокна»
Автор — Б. В. Миловидов.

«Птичка» (из серии «Строительство моста через Волгу»), 1963 г. (гуашь).

«Большой осенний форум», 1971 г.
(смешанная техника).

«Разнотравье». 1970 г. (масло).

Обложки книг, выполненные
Б. В. Миловидовым в разные годы.

Р.Озерная

ХУДОЖНИК
Б.В.Миловидов

ОТ АВТОРА

Автор очерка не ставила перед собой задачу раскрыть творчество художника с искусствоведческих позиций. И если, прочтя эту книжку, читатель хоть сколько-нибудь почувствует красоту и благородство души Бориса Васильевича Миловидова, его патриотизм и высокую гражданственность, поймет, как много сил вложил он в дело воспитания новых поколений мастеров советского изобразительного искусства, если захочет встретиться с произведениями этого художника, я буду считать свою задачу выполненной.

Приношу глубокую благодарность семье Б. В. Миловидова — его жене Надежде Павловне и дочери Инне Борисовне, его друзьям и соратникам по искусству и многочисленным ученикам, оказавшим мне неоценимую помощь в сборе материала.

P. Озерная.

НАЧАЛО ПУТИ

Невысокий паренек в сапогах, серой куртке и солдатской шапке, заметно робея, поднимался по лестнице на второй этаж здания Саратовского художественного музея. Здесь разместились Высшие государственные свободные художественные мастерские, созданные на базе Боголюбовского рисовального училища. С волнением думал паренек о том, как его примут. Не сочтут ли бездарным?

В коридоре неожиданно для себя он увидел нечто непонятное. Только приглядевшись к фигурам, он узнал шедевры античной скульптуры. Да, да, это Аполлон, но почему-то ядовито-зеленый, Венера, подсиненная ультрамарином, Юпитер, желтый, как лимон. Куда девались благородство форм, чистота и изящество? Кто-то, будто нарочно, постарался стереть строгость линий, объемность с ее светотенью. Откуда было знать шестнадцатилетнему Борису Миловидову, что жестокая борьба идет не только в жизни, не только на фронтах гражданской войны, но и в искусстве. Лишь позже ему рассказали, что это «работа» мастерской футуриста Константина, недавно вернувшегося из Франции, «работа», по сути разрушившая скульптуры, превратившая их в силуэты, да еще безвкусно размалеванные.

Директор мастерских радушно ответил на приветствие юноши, внимательно посмотрел его рисунки, одобрил их и сказал, что он, как начинающий, будет заниматься в классе Михаила Варфоломеевича Кузнецова. А уже на будущий год может сам выбрать себе педагога (так было здесь заведено). И Борис пошел

искать класс, которым руководил неизвестный ему Михаил Варфоломеевич. Оказалось, что Кузнецов еще не приехал из Москвы. Поэтому молодые люди, только что пришедшие в его мастерские, занимались одни. Миловидов осмотрелся вокруг. Большинство юношей и девушек рисовали углем на картоне, то и дело поглядывая на высокого худого натурщика. Ближе всех к Борису оказался парень в синем матросском бушлете и бескозырке.

— Что стоишь? Работай, не стесняйся,— сказал он.

Борис взял чистый лист бумаги и, примостившись за столом, набросал первые штрихи с натуры. Это был старт в большое искусство, где ему — Борису Миловидову — предстояло стать мастером и педагогом.

Изобразительное искусство давно манило своим еще непонятным ему родством с жизнью, возможностью такими, как ему казалось, простыми средствами воссоздать увиденное. Его отец, опытный полиграфист, всю жизнь работал в московских типографиях, где печатали не только тексты, но и рисунки и репродукции с картин известных живописцев. Когда семья вернулась на родину в Саратов, Борис часто приходил в залы художественного музея, подолгу стоял у полотен старых и современных мастеров. Здесь и зародилась мечта стать художником.

Вскоре приехал Михаил Варфоломеевич, брат уже известного в Москве художника саратовца Павла Варфоломеевича Кузнецова. Михаил Варфоломеевич некогда окончил Боголюбовское рисовальное училище, затем Московскую школу живописи, ваяния и зодчества. Это был художник реалистического направления и за несколько месяцев работы с начинающими успел привить им много полезных навыков. Он умело использовал такую сокровищницу, как художественный музей, основанный в 1885 году известным художником А. П. Боголюбовым — внуком первого русского революционера А. Н. Радищева. Замечательное собрание

произведений изобразительного искусства в свое время сыграло решающую роль в развитии и становлении саратовских художников старшего поколения. В залах музея формировались вкусы и первых советских художников, взявших в руки кисть и карандаш еще в те дни, когда на фронтах гражданской войны шла борьба за молодую Советскую республику.

Рисовали и писали много. Несмотря на трудности того времени, учащихся полностью и бесплатно обеспечивали любым материалом. В распоряжении старосты был сундук с красками, бумага для рисования «Энгр», специальный картон, холст. Все это было конфисковано в магазинах частных хозяев и передано в распоряжение художественных мастерских. Как-то Борису понадобились сухие краски, которых в мастерских не оказалось. Его направили в одну из губернских организаций, ведавшую распределением товаров. Дали краски со склада. И тоже бесплатно.

Через год М. В. Кузнецов возвратился в Москву. Класс, где учился Миловидов, остался без руководителя. В то время в городе оказалась целая группа известных художников не только местных, но и приехавших из Москвы и Петрограда. Были среди них и наши земляки. Влияние этих людей не замедлило сказаться на дальнейшем развитии саратовской школы изобразительного искусства.

**Из воспоминаний
Б. В. Миловидова**

Мечтой нашей было попасть в мастерскую Александра Ивановича Савинова. И вот в один прекрасный день я и еще двое студентов — Вассиан Желтиков и Николай Сидорин — пришли к нему со своими работами. К великой нашей радости, он всех нас троих принял к себе. Мы оказались самыми молодыми в его мастерской, расположенной в одной из просторных

комнат здания, где ныне помещается библиотека музея. Она была уставлена мольбертами. Место посередине занимала чугунная круглая «буржуйка», топившаяся дровами. Центральное отопление в те трудные годы в городе бездействовало из-за отсутствия топлива. Однако это никак не влияло на наш энтузиазм, нашу любовь к искусству, стремление стать художниками во что бы то ни стало. Когда кончались дрова и от холода руки не держали карандаш, застывали краски, мы собирались и, забрав сколько могли санок, тех, что побольше, отправлялись на Кумысную поляну, расположенную километрах в двадцати от города. Там рубили столько дров, сколько можно было увезти за один раз, и, впряженаясь в санки по несколько человек, тащили их через все дачные остановки, а затем по городу. По правде говоря, это было нелегко, если учесть, что все мы, в лучшем случае, были полуголодными. Одно время в подвале музея работала столовая, где нас подкармливали вареной картошкой и чечевичным супом — поистине роскошным обедом. К сожалению, и это скоро кончилось.

Молодежь в Саратовские ВГСХМ приходила все новая и новая, тяга к знаниям и возможности овладеть этими знаниями горячо увлекали вчерашних молодых рабочих и крестьян, однако нас не становилось больше. Многие уходили на фронт, чтобы в боях отстоять завоевания Великого Октября.

Все студенты мастерских первое время полностью обеспечивались учебным материалом. Но ведь надо было еще прокормиться... Пожалуй, не было среди нас человека, который бы не ходил на железную дорогу грузить дрова, шпалы, соль, уголь. Купив на заработанные деньги еды, здесь же в мастерской на «буржуйке» готовили в солдатских котелках какую-нибудь похлебку.

Итак, днем они писали натюрморты, вечером рисовали с живой модели, ночью работали грузчиками. Однако, собираясь в мастерских, уходить не торопились, подолгу обсуждая друг с другом сделанное. К этому их приучил Александр Иванович. Сам он приходил раза два в неделю, чтобы посмотреть «творения» учеников, поговорить о них, дать новые задания. То, что он говорил, хоть иной раз и казалось мудреным, но всегда было интересным.

Особенно много Савинов рассказывал о саратовской школе живописи, которая проявилась уже в традициях Боголюбовского училища. Признавали существование саратовской школы и другие художники. Одна из выставок в музее так и называлась — «Выставка саратовской школы живописи».

Вскоре А. И. Савинов уехал в Петроград и остался там работать. Учащиеся лишились прекрасного руководителя мастерской, а город — замечательного художника.

Это время было необычайно сложным для искусства, в котором появилось немало совершенно чуждых пролетариату и трудовому крестьянству течений. И если «правые» направления в нем можно было разоблачить и парировать сравнительно легко, то «левые» нередко одерживали победу в умах и сердцах молодых художников, приветствующих революцию. Идеологи этих направлений утверждали, например, что раз уж с революцией рушатся старые устои, современное искусство также не должно иметь ничего общего со старым искусством, отсталым и отмирающим. Так появлялись произведения формалистические, которые, однако, трактовались как истинно современные, революционные.

Отзвук этой борьбы слышался и в Саратовских Высших государственных свободных художественных мастерских. Теперь-то Миловидов отлично понимал, почему древнегреческие боги сменили строгую белиз-

ну гипса на ядовитые цвета палитры футуриста. Его решение пойти в класс Петра Саввича Уткина было не случайным. Интересный художник-реалист, прекрасный педагог, он был душой юношеского коллектива своей мастерской, старшим другом, к которому приходили за советом и помощью, с любым вопросом, а иногда и просто поговорить, поразмышлять вслух. Он всегда был одержим какой-нибудь прекрасной идеей. Ученики знали его способность все подчинять интересам искусства: свое время, быт, все силы.

Поражала и его необычайная любовь к природе, умение видеть в ней то, что не каждому дано увидеть. Не случайно потом, уже будучи зерлым художником, Борис Васильевич Миловидов, вспоминая свои студенческие годы, говорил: «У Савинова я перенял серьезное отношение к строгому рисунку, у Уткина, в прошлом ученика Левитана и Коровина,— любовь к природе и глубокое уважение к традициям русской живописи». Юноша Миловидов привык делиться со своим учителем самым сокровенным, поисками и сомнениями, творческими замыслами и находками, пусть еще очень скромными.

Однажды Борис пришел к учителю позже обычного. Всегда спокойный, уравновешенный, на этот раз он был мрачен.

— Открылся новый театр, вернее, театрик,— сказал он.— Не знаю, надолго ли? Сейчас я был там. Снова — дань моде. Вам нравятся стихи, где в каждой строфе повторяются слова: «Дайте мне в любовники аллигатора»? Куда идет искусство? И есть ли оно еще?

— Во-первых, садитесь, Борис,— остановил его Петр Саввич.— Придите в себя, на вас плохо подействовал репертуар. Это и не удивительно. Он своей необычностью и полным отсутствием смысла рассчитан на то, чтобы поражать слабых, не имеющих твердой позиции. Да, кое-кому сие кажется оригинальным. Но ведь это же временно, клянусь вам. Мы-то с вами

все понимаем. Понимает большинство художников, понимает простой народ, а это в конце концов самое главное.

— Да, конечно, это крайности,— согласился Миловидов.— Но ведь сколько других новых течений в искусстве, в том числе не самых крайних, и каждое из них претендует на широкое признание. Иногда невольно спрашиваешь себя: какое из них настояще?

Петр Саввич задумался. Потом решительно направился в коридор и принес оттуда большой, тяжелый чемодан. Открыл его, разложил этюды, написанные маслом на холсте и картоне.

— Это я писал в годы моих занятий у Левитана. Не знаю, к какому искусству вы отнесете их — настоящему или ненастоящему. Он меня учил следовать правде жизни.

Это был ответ на душевное смятение юноши.

Борису Васильевичу Миловидову еще много раз приходилось близко встречаться с формализмом и другими модными для того или иного времени течениями. Но он всегда помнил, что увлечение только формой или только цветом было обречено на поражение, потому что рано или поздно побеждала правда жизни. Сам он в своем многолетнем творчестве был предельно верен этой правде.

* * *

Еще занимаясь в мастерской Петра Саввича Уткина, Борис Миловидов стал изучать литографию. Ему, одинаково увлеченному графикой и живописью, нравилась эта новая для него техника с ее многообразием художественных приемов. Он любил литографский карандаш, дающий сочный бархатистый штрих и тонкие светотени. Его привлекали рисунок литографской тушью и цветная печать. Сколько возможностей открывала литография для графика!

Саратовские Высшие художественные мастерские были реорганизованы в художественно-промышленный техникум (позже — Саратовское художественное училище) с твердой программой и определенной системой преподавания. Тогда-то молодому художнику, еще не закончившему свое образование, и предложили принять участие в организации литографской мастерской, где вскоре развернулась большая учебная и производственная работа. Почти одновременно его пригласили на отделение графики преподавать рисунок и литографию. С тех пор Борис Васильевич Миловидов на долгие годы связал свою судьбу с этим учебным заведением.

Однако преподаватель в области искусства — это в первую очередь творец, иначе чему может он научить своих учеников! Лучшие преподаватели музыки во все времена были хорошими исполнителями, известные художники вышли из классов тех мастеров, чьи картины, скульптуры, рисунки получили широкое признание. Б. В. Миловидов всегда работал много как живописец и график, буквально влюбляясь в природу, в технику, в новые темы, которые выдвигала перед художником жизнь. Это были годы, когда советское искусство утверждало свой путь социалистического реализма. Именно тогда в живописи, скульптуре, графике появились образы новых людей, строящих социализм. Художники шли на заводы и фабрики, ехали в деревню, чтобы проследить перемены, которые несла с собой новая жизнь.

Миловидов уже неоднократно участвовал в выставках, сразу заявив о себе как отличный рисовальщик и живописец-пейзажист лирического плана. В 1927—1928 годах в Москве и Ленинграде на выставке общества художников «Четыре искусства» экспонировались его первые работы, написанные в том же цветовом колорите, который преобладал на полотнах Павла Кузнецова, Петрова-Водкина, Карева, Уткина

и других саратовских художников. Все они некогда испытали на себе большое влияние выдающегося русского живописца Борисова-Мусатова, создавшего свой мир цветовой гармонии, мир своеобразных поэтических полотен. Ученик Уткина — Борис Миловидов — естественно следовал этой творческой традиции саратовских художников. Его пейзажи «Затон», «Дальнее займище» с тремя осокорями, еще несколько волжских этюдов, запечатлевшие голубоватое марево воздуха юга России, обратили на себя внимание зрителей и искусствоведов. Позже в его палитре перестали преобладать голубые тона, он как бы увидел в этом излишнюю условность. Своебразие, неповторимость саратовского пейзажа художник стал передавать другими художественными средствами.

**Из выступления
Б. В. Миловидова по радио**

Наши степные и лесостепные просторы Поволжья неповторимы, как, впрочем, неповторимы и другие края нашей необъятной страны. Ведь настоящий летний саратовский пейзаж по колориту серебристо-пепельный. В обычное жаркое лето под действием яркого солнца как-то по-особому выгорает трава, листья на деревьях и даже дома в деревне становятся серыми. А в воздухе всегда серебристо-голубое марево, возможно, оттого, что рядом Волга и испарения этого огромного водного бассейна не могут остаться незаметными, особенно для художника.

Это ощущение знойного пространства, близкое, понятое саратовцам, он умел передавать в своих пейзажах.

...В цехах железнодорожных мастерских молодой человек в синей толстовке, с большим альбомом в руках появился совсем неожиданно. Он бывал здесь ино-

гда по несколько часов в день, но держался так скромно, никого не отвлекая от дела, не вступая в разговоры, что вскоре его просто перестали замечать. А через некоторое время стало известно, что на выставке, открытой в художественном музее, можно увидеть серию рисунков и литографий, сделанных художником в железнодорожных мастерских. Так появились литографии Б. В. Миловидова «Паровозный цех», «Кузнецкий цех», «Ремонт паровоза», выполненные им с большим мастерством. Так художник приобщился к теме индустриализации страны. Эти работы были приобретены Саратовским художественным музеем имени А. Н. Радищева.

Тема нового села, новых взаимоотношений между крестьянами также не могла оставить равнодушным Миловидова.

В начале тридцатых годов Борис Васильевич вместе со своей семьей поехал на лето в село Турки, что издавна считалось одним из красивейших сел на Хопре. Целые дни художник проводил на полевом стане, на тех участках, где работали машины, совсем недавно пришедшие сюда с саратовского завода комбайнов. Рисовал сангиной комбайны, людей, сидящих за штурвалами. Сблизился с деревенскими жителями. Многие стали героями его графических работ, посвященных селу.

После этой поездки на очередных выставках появляются все новые и новые деревенские рисунки Миловидова, в том числе отмеченные прессой «Полевой стан в Турках» и «Первые комбайны». Вскоре на выставке художников-педагогов в Москве (1937 г.) экспонируются волжские пейзажи и большая картина «Жатва».

Во всех этих работах сказалась его любовь к природе. Недолгое пребывание в Турках помогло художнику откликнуться на актуальную тему, и почувствовать необходимость ее в своем творчестве.

Впрочем, не только это понял Миловидов в начале своей творческой жизни. Ведь в каждой профессии, а у художника в особенности, первое десятилетие работы (а возможно, и больше) — трудный, но увлекательный поиск, который заключается главным образом в познании самого себя, своих творческих возможностей и потребностей, проникновении в «святая святых» — в специфику своей профессии. Именно в эти годы Борис Васильевич начал пробовать силы в различной технике изобразительного искусства и почти во всех жанрах. Он отлично понимал: эти пути познания обязательны в жизни каждого. Лишь благодаря им приходит опыт — родной брат таланта — и твердая убежденность, понимание того, что должно стать для него главным на всю жизнь.

С самого начала своего творчества Миловидов с одинаковым интересом обращался к рисунку и станковой живописи, к плакату и книжной графике. Его росписи украсили стены Саратовского Дворца пионеров и научной библиотеки СГУ. С тех пор не было выставок, где бы не экспонировались его работы.

Творческая активность Б. В. Миловидова всегда сочеталась с общественной деятельностью. Когда в 1937 году была основана местная организация Союза советских художников, в числе учредителей ее был и он. Позже ему приходилось стоять во главе этой организации, и он выполнял свои обязанности с большой заботой и огромным чувством ответственности. Миловидов был также одним из организаторов саратовского товарищества «Художник» (ныне Художественный фонд), активным членом художественного совета города, членом художественного совета книжного издательства. Выполнял много других общественных поручений Союза художников.

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

Вторые сутки эшелон только что мобилизованных в Саратове солдат и офицеров запаса шел на запад, к фронту. В теплушке было душно, пахло новыми кирзовыми сапогами и махоркой. Августовский зной стоял на всем пути следования поезда, так что, если и удавалось прятнуться к двери вагона, это не приносило облегчения.

Бориса Васильевича не покидало щемящее чувство тревоги, охватившее его еще в тот удивительно солнечный июньский день, когда он услышал это страшное слово. Война... Она проложила резкую грань между его прошлым и будущим. Вспомнился чудесный отдых с семьей на даче под Саратовом. В июле они собирались впервые поехать на юг, к Черному морю. Кто мог знать, что ему предстояло ехать одному, и совсем в противоположном направлении...

Последние два месяца, предшествовавшие отъезду на фронт, были прожиты Миловидовым напряженно, с той большой отдачей, которой требовало время.

В первый же день войны встретились Борис Васильевич, его старый друг Александр Никитич Чечнев, как и он, член правления Саратовского отделения Союза художников, и председатель правления Любовь Семеновна Рабинович. Важно было решить, как жить дальше, как найти свое место в эти трудные дни.

Ясно было одно — необходимо искусство сделать оружием, разящим врага. Результатом этой встречи явился первый плакат, сделанный тут же, на квартире Чечнева. Три богатыря, одетые в форму военачальников советских войск, подобно легендарным героям раз-

местились в известной васнецовской композиции. Это был отклик на только что переданное сообщение о назначении Комитетом Обороны командующих первых фронтов.

В этот же день более молодые художники — Б. Борцов, Е. Тимофеев, Н. Архангельский, Ф. Заборовский — пришли к такому же решению — сделать агитплакат боевым оружием.

Так началась жизнь «Агитокна», идею которого подсказала сама жизнь. Решено было систематически выпускать плакаты, панно, карикатуры, листовки, «молнии», оперативно и выразительно разъясняющие события на фронтах, в тылу и за рубежом. Форма «Агитокна» возникла не случайно. Она как бы продолжала традицию «Окон РОСТА», из которых в свое время люди узнавали о происходящем в стране, о новых декретах и завоеваниях Советской власти.

Инициативу художников поддержал городской комитет партии, немедленно выделивший им рабочую комнату в здании горкома и горисполкома. Вторую комнату художники получили в помещении редакции областной газеты «Коммунист». Была утверждена издательская марка: «Агитокно. Орган Саратовского ГК ВКП(б)».

Отныне работе в этом боевом органе Борис Васильевич отдавал все время, остававшееся после занятий с учащимися в художественном училище. В эти часы он не только делал плакаты или панно, но еще и размножал их с помощью трафарета. Это требовало немало сил. Нередко приходилось работать по ночам, чтобы с утра очередное произведение «Агитокна» было выставлено для обозрения.

В один из первых дней войны саратовцы собрались у окон горкома партии и консерватории, на площадях и улицах, где появился сатирический плакат Миловицова «Сущность фашизма». У здания цирка этот плакат был нарисован на огромном листе фанеры. Люди с

ненавистью смотрели на гориллоподобного фюрера, голову которого украшала двурогая каска немецких псов-рыцарей. В руках палача — топор, окрашенный кровью невинных жертв. Земля под троном бесноватого Гитлера усеяна человеческими черепами. Художник давал точный ответ: фашизм — это бесчеловечность и насилие, это рабство и смерть. «Сущность фашизма» явилась одной из лучших работ «Агитокна». И Миловидов испытал чувство глубокого удовлетворения. Совсем недавно его зоркий взгляд художника болезненно фиксировал только мрачные картины. Он видел, как его родной город, словно по сигналу «Тревога!», резко сменил свою яркую цветовую гамму, выбросив из нее самые светлые, радостные тона. И небо над ним словно поблекло, и листва на деревьях пожухли. Теперь же, казалось, все встало на свои места, краски вновь обрели силу. Никто, кроме самого Бориса Васильевича, не мог объяснить перемену, в нем произошедшую. А он объяснил это просто: нашел свое место в общем строю.

В конце июля Миловида вызвали в военкомат. Предложили переменить военную специальность сапера на специальность штабного работника. Он отказался. Его место — на передовой. В августе ему пришла повестка.

Прибыв с эшелоном в район Вязьмы, Миловидов был назначен командиром взвода саперного батальона 91-й дивизии 19-й армии, сражавшейся с немецкими войсками группы «Центр».

В начале октября велись ожесточенные бои с противником, рвавшимся к Москве. Большая группа войск 19-й армии оказалась отрезанной от главных сил Красной Армии. Встала задача — во что бы то ни стало прорвать окружение. Много дней войска с боями пробивались на восток.

**Из воспоминаний
Б. В. Миловидова**

...В то роковое утро немцы открыли шквальный огонь из винтовок, пулеметов и минометов. Разорвались мины слева от меня, справа, сзади... Я почувствовал жжение в бедре. Понял, что ранен в ногу, но еще мог бежать. Вдруг прямо передо мной выросла фигура гитлеровца, строчившего из автомата в сторону поднявшихся в атаку красноармейцев. Никогда я еще не видел такого злого торжества на лице. Только смертельная ненависть могла породить в этом фашисте радость от возможности расстреливать в упор. Останавливаюсь, чтобы вернуть ему неоплаченный долг. Стреляю, как и фашист,— в упор. Немецкий автоматчик падает. Неожиданная мысль пронзает мозг: человека убил! И тут же: полно, человек ли он?

Еще разрыв мины — опять ранение в ногу. Не могу подняться... И все-таки сильна решимость любой ценой пройти через этот огненный барьер.

Пополз в том же направлении, в каком только что бежал, как вдруг услышал шум идущих танков. Один танк шел почти прямо на меня. Как быть? Если сдвинусь с места — заприметят. И тогда конец. Значит, остается одно — лежать и притворяться мертвым. Жаль, нет гранаты.

Полузакрыв глаза, уже почти хладнокровно следил за танком. Вот осталось метров десять... семь... пять... два... И вдруг машина неожиданно повернула в сторону, в том направлении, где находился небольшой овражек. Там залегло много наших солдат. Через минуту раздались крики гибнущих людей. Это было страшно! Я же остался жив.

Ползком стал продвигаться на восток, надеясь встретить своих. Впервые за трое суток заснул, забившись в кусты.

Проснулся от резкого толчка. Открыл глаза и увидел себя окруженным гитлеровцами.

Больше всего меня мучило сознание того, что вдруг очутился в плену, не успев расплатиться с врагом за все его злодеяния. В плену! Легче было думать о смерти, чем об этом.

В деревне, куда принесли Миловидова, немцы устроили сборный пункт для раненых пленных. В бывшей школе он увидел советских врачей и медсестер (это тоже были пленные). И ни одного немецкого медика. В первые минуты это порождало иллюзию независимости. Не видно было немецких мундиров. Деревня казалась маленьким островком отечества. Медицинский персонал работал не покладая рук, борясь за жизнь этих обреченных людей.

Немецкий гарнизон, в котором насчитывалось от шести до двадцати человек, менялся через равные отрезки времени. Сборный пункт для раненых они называли госпиталем. Хорош госпиталь! Он ничего им не стоил: ни медицинского обслуживания, ни медикаментов, ни питания. Все делалось усилиями пленных врачей, медицинских сестер и легкораненых. Кое-как добывали еду, чтобы хоть раз в сутки накормить обессилевших людей. Немцы, вспоминая после этого так называемый госпиталь, пытались доказать свое гуманное отношение к пленным.

Врач — пожилой мужчина — перевязал раны на распухших покрасневших ногах Миловидова, потом потрогал его лоб, покачал головой и сказал:

— Этот тяжелый. Несите в избу.

Так Миловидов оказался в числе семнадцати тяжелораненых в избе Матрены Ивановны Леоновой, колхозницы деревни Волково Смоленской области, оставшейся здесь с двумя малолетними дочерьми.

Для него началась особая жизнь: в плenу, но среди своих. Это второе обстоятельство решило его судьбу. Свои сделали все, чтобы спасти ему жизнь, а он — все, чтобы вырваться из плена и помочь уйти с ним его новым товарищам.

В свое первое утро в плenу Борис Васильевич не в силах был открыть глаза, едва различал голоса разговаривающих в избе людей. Он почти не чувствовал, как подняли его с пола и положили на широкую скамью, не видел, как пришел доктор и суetилась тетка Матрена, грея воду и кипятя собранные лоскуты, чтобы обеспечить предстоящую операцию стерильным материалом.

— Считайте, что вы родились второй раз,—сказали товарищи, когда сознание вернулось к нему.

Прошло больше двух месяцев, прежде чем он стал передвигаться. Но уже с самых первых дней его не оставляла мысль о побеге.

— Почему в окно я ни разу не видел немцев? — спросил он как-то Матрену Ивановну.

— Да они все больше в своих избах сидят, особенно когда в деревне их остается всего несколько человек.

— Боятся русских пленных, что ли?

— Уж не знаю, боятся ли, а только, говорят, по ночам изнутри запираются. Пьют, а потом на губных гармошках грустные песни играют.

— Матрена Ивановна, но ведь где-то, может быть недалеко, находятся люди вашей деревни.—Он хотел сказать «партизаны», но не произнес этого слова.—Появляются они здесь или нет?

Матрена Ивановна молчала. Потом встала, подошла к двери и, оглянувшись, добавила:

— А вы бы последили. Может, кого и встретите.. Конечно, не днем — ночью.

Тогда-то и решили они на ночь у избыставить часового, но так, чтобы было незаметно.

...Это произошло в одно из ночных дежурств Миловидова. Еле различимый скрипучий звук, мерный топот лошадей... И тут на санях, почти поравнявшихся с ним, он увидел двоих людей, укутанных в тулупы. Одновременно лунный луч выхватил из темноты сверкающую красноватым металлическим блеском пятиконечную звездочку. Борис Васильевич мгновенно отделился от стены дома и, вытянув вперед руки, заковылял к саням.

— Товарищи,— прошептал он,— товарищи...— и опустился в снег, сам не поняв, то ли от волнения и слабости, то ли оттого, что не удержался на непослушных ногах.

Это были посланцы партизан, действовавших в лесах Смоленщины.

— Сколько вас? — тихо спросил один из них, склонившись над Миловидовым.

— Пятеро. Но к побегу готовятся и другие. Приезжайте за ними.

— Приедем. А вам — пять минут на сборы. Ждать будем за этими елями.

Так начались новые сутки, снова резко повернувшие судьбу Б. В. Миловидова. Пробирались лесными дорогами, не спрашивая куда, потеряв представление о направлении, в котором двигались сани. Лошади стали, лишь только забрезжил рассвет.

— Дальше ехать небезопасно,— сказал человек, лица которого Борис Васильевич так и не рассмотрел.— Теперь разойдитесь по одному и двигайтесь на восток, в эту сторону,— он показал рукой.— Путь не близок. Днем не показывайтесь на открытых местах. Счастливо!

Несколько дней шел Миловидов туда, где советские войска продолжали сражение за независимость и свободу. Шел, встречая на пути пустые и сожженные деревни, изуродованную взрывами землю, километры леса, в котором не осталось ни одного целого дерева.

Он с болью смотрел и думал о том, что землю надо бе-речь и защищать от врага так же самоотверженно, как человека. Никогда так отчетливо не чувствовало сер-дце художника, что живая русская природа являлась выражением жизни, благополучия и красоты его на-рода.

Однажды утром Борис Васильевич наткнулся на небольшой домик. Это был медпункт одной из наших действующих частей. Оказалось, он перешел линию фронта, сам того не подозревая, хоть и слышал какое-то время отдаленные орудийные раскаты.

В тот же день его отправили в госпиталь, а затем в другой и третий. Недолеченные раны представляли большую опасность не только для здоровья, но и для жизни. После госпиталя Борис Васильевич вернулся в Саратов.

Однако все чаще и чаще его мысль возвращалась к фронтовым будням. И всегда омрачала мысль: если бы только он попал на другой участок фронта, то, возможно, до конца войны сражался бы с боевым ору-жием в руках. Лишь много лет спустя строки в книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоми-нания и размышления» заставили его увидеть в другом аспекте свою солдатскую судьбу. Жуков писал: «Ока-завшись в тылу противника, войска не сложили ору-жиya, а продолжали мужественно драться, сковывая крупные силы врага, не позволяя ему развить насту-лжение на Москву». И еще: «Кровь и жертвы, понесен-ные войсками окруженной группировкой, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описа-ния»*.

Значит, и его, пусть небольшая, доля все же была

* Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., АПН, 1969.

в том, что Советская Армия отстояла столицу от рвавшихся к ней фашистов.

Вернувшись в родной город, Борис Васильевич меньше всего думал об отдыхе, право на него могло прийти только с окончанием войны — так он считал. Теперь же он неутомимо продолжал работать в «Агитокне». К его возвращению диапазон выпускаемых плакатов был огромен — от стиля народного лубка до произведений, символически торжественно обобщавших такие высокие понятия, как «Родина», «сила народная», «воинский подвиг». Особое место занимал политический плакат.

В работе «Агитокна» в это время уже принимал участие большой коллектив художников. Появились плакаты А. П. Кибальникова (ныне известного скульптора, лауреата Ленинской премии), графика из г. Энгельса П. И. Зори. А Е. Ф. Тимофеева уже не удовлетворяли листы обычного формата. Он перешел к монументальным карикатурам на гитлеровских захватчиков, рисуя их на торцовых стенах домов и деревянных заборах. У «Агитокна» стояли толпы людей с суровыми, гневными лицами.

Большое место в плакатах «Агитокна» заняла тема трудового тыла. Тыловые темы разрабатывались столь же тщательно и оперативно. Художники немедленно откликались на все важнейшие мероприятия партии и правительства.

Большой резонанс получил плакат Миловидова, в котором он показал, как тяжелый полноценный сноп хлебных колосьев явится для фашистов оружием большой взрывной силы. Плакат этот выделялся не только своим острым идейным содержанием, но и интересным композиционным решением. Подпись к нему — «Каждый убранный вовремя сноп — это бомба в фашистский окоп, чтоб добит был коричневый зверь, уберем урожай без потерь!..» — принадлежала местному журналисту Г. Наместникову.

Борис Васильевич радовался каждому удачному решению, найденному товарищами в сложном искусстве агитплаката. Когда его бывший ученик и будущий лауреат Государственной премии Н. А. Архангельский показал, что стоит одна минута рабочего времени, сопроводив рисунок текстом: «Это — обойма патрон, это — пяти фашистам смерть, это значит — ближе победа!» — он отмечал необычайную броскость и убедительность высказанной художником мысли.

Сатирические плакаты «Агитокна» безжалостно били по лодырям и симулянтам, прогульщикам и болтуным.

Спрос на плакаты с каждым месяцем возрастал. Миловидов, отлично знавший технику литографии, помог увеличить тираж каждого графического листа. Потом многие художники овладели техникой линогравюры. Плакаты «Агитокна» появлялись всюду как слово правды, как призыв, как отклик на последние события. Открылась подписка на них. Заводы, крупные учреждения и учебные заведения брали все, что выпускало «Агитокно».

Не случайно, что мастерские, где делались плакаты, очень скоро привлекли внимание общественности и стали местом интересных встреч. Частыми гостями здесь были профессора не только Саратовского, но и Ленинградского университета, находившегося в эвакуации. Приходили многие артисты МХАТа, нашедшего в нашем городе благодарного зрителя.

Однажды перед саратовскими художниками появился совсем молодой человек в выцветшей гимнастерке и кирзовых сапогах. Веселый и задорный, он с удовольствием читал свои стихи и сразу всем понравился. Тогда фамилия этого юноши, оказавшегося в Саратове проездом, никому и ни о чем не говорила. Он написал стихи к одному из плакатов А. Н. Чечнева. Лишь после войны имя Алексея Недогонова узнали в стране все любители поэзии. Так же неожиданно по-

явились здесь эвакуированные в наш город известные художники профессора Г. И. Рублев и А. Д. Гончаров, ставшие авторами многих замечательных плакатов.

Трудно переоценить роль всех оперативных боевых плакатов, выпущенных за годы войны. Саратовцы видели в них правдивое и острое отражение событий текущего дня. Для художников эта работа явилась огромной политической школой. Благодаря ей они чувствовали себя истинными солдатами, боровшимися за правое дело.

Одной из последних работ «Агитокна» было панно, посвященное советскому воину, всем тем, кто возвращался с победой в родной город, к мирному труду. Это панно, выполненное Миловидовым, солдатом и патриотом, выражало огромную любовь и благодарность народа к героям-фронтовикам, изгнавшим с нашей земли фашистских оккупантов и водрузившим в Берлине над рейхстагом знамя победы.

Работу в «Агитокне» в годы войны Б. В. Миловидов сочетал с преподаванием в художественном училище, а также с работой художника-оформителя и иллюстратора книг в Саратовском областном книжном издаельстве. Длительное время он был председателем правления областной творческой организации художников. Если же учесть его постоянное стремление отдавать работе всего себя, можно представить, что дня ему не хватало. Долго ночью на письменном столе художника не гасла лампа — свидетель егоочных раздумий, творческих поисков.

**ЛЮБИТЕ
РОССИЮ**

Бориса Васильевича всегда удивляли люди, равнодушные к природе. Ему было непонятно, как может не радовать человека пение птиц, степное многоцветье, ароматы леса, звон ручья. Часто в плену он возвращался мысленно к картинам степного Поволжья, к Волге. После войны он словно по-новому увидел и оценил землю, захотелось по-сыновьи нежно и тепло рассказать о ней людям. У него были для этого все возможности. Ведь именно пейзаж как жанр наиболее близок Миловидову-живописцу. К нему обращался он со студенческих лет, выходя с этюдником в лес, на берег реки, на улицы Саратова. Позже стал выходить на природу вместе со своими учениками. И обязательно писал сам, успевая одновременно оценить работу молодых, дать нужный совет.

**Из воспоминаний Г. А. Савинова,
заслуженного художника
РСФСР, профессора**

Переписка Бориса Васильевича с моим отцом, а его учителем А. И. Савиновым не прерывалась. Однажды Борис Васильевич вложил в письмо репродукцию своего раннего произведения. Помню, каким оно показалось мне тогда тонким и поэтичным. Изображена была спокойная серебристая вода, несколько тростинок камыша, изломанно отраженных в воде... Сумерки. И вылетающая из камыша маленькая птичка. Вот и все. Но выполнено это было так, что я видел тихое движение струй, слышал шелест трав...

Из записок
Б. В. Миловидова

В поисках подходящего пейзажа я брал не просто красивые или, во всяком случае, чем-то привлекающие меня уголки нашей природы. Нет. Я искал, иногда мучительно и трудно, ее обобщенные образы. Ведь пейзаж как жанр — это произведение, родившееся в результате переживаний человека, вызванных общением с природой.

Есть у человека потребность такого общения. А ведь природа удивительно влияет и на характер людей, и на их говор, песни, на все искусство народное. В искусстве, в том числе изобразительном, главное — выражение мысли, чувства, мироощущения, всего того, что можно назвать духовной атмосферой времени. Мне и хотелось в моих живописных пейзажах выразить эту духовную атмосферу нашего времени.

Известно, что в пейзаже, особенно лирическом, наиболее близком Борису Васильевичу, труднее всего передать черты времени. Однако в каждой своей картине, в каждом этюде, часто даже не изображая внешних характерных примет времени, Миловидов выражает мысли и чувства, волнующие современников, особенно любовь к родной земле. А ведь в этих пейзажах вообще нет человеческих фигур. Эта любовь показана через восприятие природы самим художником — человеком высокого гражданского долга, патриотом, солдатом.

Образ Родины в произведениях Миловидова обычно выражен не тем, что художник детально описывает конкретное место. Он раскрывается в своеобразном повествовании о родной природе, дарующей человеку силы, вселяющей в него светлые и радостные надежды.

Какой щедрой, благодарной видит художник нашу кормилицу-землю. Возможно потому, что некогда видел ее истерзанной и израненной. На картине «Мокрая дорога» показана полевая дорога в обычную осеннюю непогодь, а по обеим сторонам ее — озимые всходы. Изумрудная зелень — вестница будущего урожая — словно делает осенний день добрей и светлей.

Небольшой этюд «Голубая степь». Разгар знойного лета. Буйно цветет дельфиниум. До самого горизонта тянутся голубые островки этого скромного полевого цветка. И как празднично выглядит степь в пору этого цветения, как, должно быть, радостно поется жаворонку, парящему в высоте над этим голубым раздольем.

Долгие годы семья Миловидовых проводила лето в большом живописном волжском селе Пристанное, где была открыта творческая дача художников.

Пристанное и его окрестности Борис Васильевич исходил вдоль и поперек. Жизнь всех его наиболее известных полотен зародилась здесь, сперва в виде набросков и этюдов. Полотно писалось уже позже, в мастерской.

**Из воспоминаний
Г. А. Савинова**

В шестидесятых годах я часто приезжал в Саратов, жил и работал в селе Пристанном. Всегда жил вместе с Борисом Васильевичем.

После работы, в сумерки, когда так чудесно пахло полынью и воздух после знойного дня становился свежим от ветерка, наконец подувшего с огромной стынящей Волги, мы много бродили и разговаривали о многом.

Борис Васильевич писал в Пристанном этюды к своим будущим картинам. Изучал, помногу раз повторял одни и те же мотивы: как растут травы и цветы в

степи, как ложатся на небосклоне вечерние облака... Рисовал и писал стада овец и коз, ежедневно спускавшихся по пристанским крутым овражным склонам... Писал и лепившиеся по склонам домики, лодки у берега, окрестные поля.

Мне редко приходилось встречать человека столь твердого, принципиального и последовательного в своих суждениях об искусстве, как Борис Васильевич. Много говорили мы о русском искусстве. Он любил творчество Репина, Сурикова, Серова, Коровина, Врубеля. Особенно он восхищался Врубелем, его своеобразием, артистизмом, мастерством. И Борис Васильевич, человек мягкий и добрый, был непримиримым врагом того направления, которое считал кривлянием и манерничаньем.

Порой мне даже казалось, что он слишком суров к тем, кто искал новое в искусстве, отвергая то, что, возможно, было стремлением художника к более острому, свежему восприятию жизни, конечно не всегда удачным. Однако все это он считал, кажется, суетой, грехом против природы, которую сам он чувствовал очень тонко. В душе Бориса Васильевича было много веры в реалистическое и поэтическое начало, в непосредственность восприятия художником материального мира.

Именно реализм и поэзия легли в основу многих его полотен, которых с каждым годом появлялось все больше и больше. Человек как будто бы старел, многие годы отдал преподавательской работе, однако не было ни одной выставки, где бы не экспонировались работы Миловидова. Такому творческому горению могли позавидовать даже молодые.

На одной из областных художественных выставок в 1967 году внимание зрителей привлекла картина Миловидова «Степь». На желто-зеленой траве — боль-

шое стадо овец. По небу плывут плотные облака, а вдали — желтые убранные поля, освещенные солнцем. Своему бывшему ученику Ивану Васильевичу Севастянову, ныне народному художнику РСФСР, Миловидов писал, еще работая над этим полотном: «Идет, кажется, хорошо. Пишу большими кистями, широко. Как-то по-другому писать я стал». И это, видно, очень радовало его. Еще раньше в письме к другому своему ученику Антону Григорьевичу Илюшкину он делился замыслом этой картины: «Добиваюсь того, чтобы в ней был запах прохлады, сверчки трещали, лягушки пели. Все это: живую степь, и стадо, и воздух — должен почувствовать зритель. Настрой в пейзаже — это то же, что психологичность в портрете».

Перед тем как предложить картину выставкому, художник много раз выносил ее из своей маленькой мастерской, что находилась в помещении Выставочного зала, в самый конец этого зала и придирично смотрел на нее с разных расстояний. Снова и снова трогал кистью небо, ковер осенней пожухлой травы, одним движением вписывал черное пятно отставшего от стада ягненка, пока не решил наконец — хватит! А потом долго обсуждали картину с Василием Федоровичем Мощенко, чья мастерская находилась в том же Выставочном зале. В лице талантливого графика, тонкого мастера эксlibриса Борис Васильевич нашел большого и преданного друга, единомышленника во всем, что касалось искусства.

На самом большом полотне Миловидова «Нива золотая», написанном сочно и размашисто, перед зрителем панорамно открывается полевой простор. На стерне — валки только что скошенных золотых пшеничных колосьев. Вдали — такие же золотые стога. В звонкой голубизне июльского неба плывут легкие белые облака. В этой гармоничной цветовой гамме столько света и тепла, такое радостное восприятие мира, что трудно было поверить в пожилой возраст ее автора:

Эта картина успешно экспонировалась на Третьей зональной выставке «Большая Волга» в Ульяновске.

Огромные пространства всегда были по сердцу художнику-волжанину. По ним тосковал он в смоленских лесах и к образу саратовской степи готов был возвращаться бесконечно. Вероятно, потому же часто вспоминал рассказ о степняках, который слышал от профессора Саратовского университета известного ботаника Александра Дмитриевича Фурсаева.

— Почему бы вам не посадить деревья перед своими избами? — как-то спросил Фурсаев у заволжских крестьян. — И тень будет, и запах листвы — приятно ведь!

— Они загородят простор, — ответили крестьяне. На этом разговор кончился.

Вот это ощущение знайного простора, близкое, родное саратовцам, ему хотелось передать в своих пейзажах.

Нельзя не сказать еще о двух полотнах, запечатлевших красоту той же приволжской степи. Это картины «Разнотравье» и «Любите Россию». В них, как и в других своих работах, Борис Васильевич совершенно не стремился к декоративной броскости или необычайным цветовым эффектам. Он просто каждый раз обращался к живой природе, стараясь запечатлеть колорит яркого солнечного дня. И вот оно — разнотравье ароматной живой степи на обоих полотнах, в темно-зеленой сочной траве цветы — желтые, красные, сиреневые. Все это уголки России в скромной красоте своей, дорогие сердцу русского человека.

Вероятно, потому и работать, и отдыхать Борис Васильевич предпочитал в родных краях, хотя и были довольно интересные поездки на юг.

Дважды побывал он на Черноморском побережье, в Лазаревском. И, конечно, не мог остаться равнодушным к южным красотам. Этот человек сохранил счастливую способность ребенка — видеть, удивляться и

радостью своей делиться с другими. Разве не в этом заключается суть художника? Всюду: по ущельям, на берег моря, по склонам гор — Борис Васильевич обязательно ходил с этюдником, который сам специально для этого изготовил дома, в Саратове. Писал он, как всегда, много: горные вершины, водопады, кипарисы... И этот этюд, о котором рассказывал в письме к дочери Инне: «...надвигается гроза, тучи сине-сиреневые, а море солнцем освещено. После можно будет писать картину».

Но этюд так и остался этюдом. Кроме того, оба раза в Лазаревском, в конце отдыха, наступало непонятное утомление от излишней яркости и пышности растений. Однажды, когда Борис Васильевич отдыхал в Лазаревском вместе с женой, пришло письмо из Саратова, в котором дочь описывала ласковый август на Волге, по которой белыми стрелками мчатся байдарки, весело тарахтят моторки, и город кажется особенно красивым.

Борис Васильевич прочитал письмо, недоумевающе посмотрел на жену и, улыбнувшись, сказал:

— Надюша, и от всего этого мы уехали, да еще в такую пору... Ты не знаешь почему?

— Не знаю,— ответила в тон Надежда Павловна, и они весело засмеялись.

Конечно, больше всего он любил природу Поволжья. Картины, о которых рассказывалось выше, написаны маслом. На выставках некоторые из них экспонировались в авторской серии «Земля Саратовская». Сюда был отнесен и пейзаж «Поля саратовские», где изображены цветущие подсолнечники, а дальше — поля золотисто-лимонного овса, розоватого проса и спелой пшеницы, чередующиеся с лесными перелесками, и еще дальше — лесами, уходящими в бесконечную даль.

В этой серии много волжских пейзажей. В них особенно чувствовалась любовь к родной природе. Во-

обще образ Волги едва ли не главный во всем творчестве Бориса Васильевича. У него нет полотен, запечатлевших панорамно «главную улицу России». Тема Волги — обыденная работа Миловидова, почти ежедневная, занимавшая в его жизни такое же место, как, например, у классического танцора обязательный экзерсис, без которого немыслима высокая пластика танца. Миловидов писал реку и делал зарисовки ее то с высокого правого берега, то с пологого левого, то с песчаной косы или с Зеленого острова. Для него стоянки лодок, парусники, плоты, баржи, везущие цемент, нефть и хлеб нового урожая, люди-труженики — это и есть собирательный образ живой Волги.

Одной из первых работ на эту тему была графическая композиция «Рыболовецкий стан на Волге». Сохранились наброски, датированные еще 1929 годом. После войны Борис Васильевич написал картину (одну из самых своих крупных) почти в той же композиции. В 1955 году она экспонировалась на областной художественной выставке. Это был жанровый пейзаж, к которому художник обратился впервые. Два лета он жил у рыбаков в селе Усть-Курдюм, ходил с ними на лов, чинил сети, ел из одного котла. Только войдя в их быт, их повседневность, он мог до конца понять жизнь рыбачьей артели, специфику труда рыбаков. Более сотни этюдов было написано им, прежде чем он начал работать над полотном.

Картина «Рыболовецкий стан на Волге» была преподнесена в дар Ленинграду от Саратова в честь двухсотпятидесятилетия города на Неве. Борис Васильевич воспринял это как большую честь для себя и очень этим гордился.

Нельзя пройти равнодушно мимо истинно романтического пейзажа «Яхты», написанного в 1949 году. Знойное небо над рекой сквозь марево кажется желто-голубым. Неожиданно поднявшийся ветер пригнал плотные облака и поднял пенистые гребни желтоватых

волн. Но как спокойно идут по фарватеру реки белый пароход, несколько дальше — груженая баржа. И лишь надутые паруса яхт, словно белые чайки, весело скользят над разыгравшейся стихией.

В этой небольшой зарисовке все удивительно живо и достоверно. Саратовцы ежедневно могли наблюдать подобную картину. Художник правдиво, но отнюдь не фотографично перенес ее на холст, талантливо найдя цветовое решение, по которому безошибочно узнается миловидовский почерк.

За всеми произведениями Бориса Васильевича стоит большая живописная и графическая культура, хорошая академическая школа. В них есть то соотношение реальности и условности, которое делает запечатленное достоянием прекрасного. Отличные результаты в его работах всегда давало сочетание академичности исполнения с современностью тематики. Особое место в творчестве художника занимают рисунки, сделанные на строительстве автодорожного моста через Волгу.

Из воспоминаний
Б. В. Миловидова

Казалось бы, мне пора было, как говорится, уйти на заслуженный отдых, но я — художник, а художник перестает работать лишь тогда, когда кисть или карандаш выпадают из рук. Вот почему я продолжал трудиться, и притом с каким-то особым увлечением, над новой темой — «Строительство автодорожного моста через Волгу у Саратова». И чем больше я ходил на этот мост, чем больше работал там на натуре, тем больше видел и тем больше хотелось сделать.

Я работал над серией листов, потому что такое огромное строительство нельзя было показать через одну работу. Большие графические листы, выполненные мною карандашом, соусом и темперой, сильно мне на-

поминали тогда работы художников на фронтах войны. И это не случайно. Ведь строительство этого крупнейшего в Европе моста и являлось фронтом, только трудовым.

Темпы, повышенный пульс стройки, сознание, что участвуешь в большом и важном деле, передавались, как видно, от строителей мне, художнику. Мне было ясно: то, что делалось на стройке сегодня, уже не повторится завтра, а то, что было вчера, уже ушло в историю. Потому так важно запечатлеть все на ходу, схватить отдельные моменты, увидеть главное. Ведь через пятьдесят-сто лет эти рисунки станут документами эпохи.

Какое счастье быть свидетелем таких событий и иметь возможность запечатлеть их для будущего!

С островков и песчаных отмелей, с только что установленных опор зарисовывал он огромные металлические фермы, искусно соединяемые строителями в мост.

На графических листах открывается перспектива уходящих к противоположному берегу опор, показаны только что установленные огромные металлические конструкции с малоподходящим, на языке строителей, названием «птичка» и многое другое. Лучшие из этих работ — «Утро на Мостострою», «Птичка на стапелях», «Девятая опора», «Первые пролеты со стороны Саратова», «Вид моста с пляжа». Все они выполнены гуашью на бумаге и как бы составляют страницу летописи этого важного события в истории трудовой Волги и нашего города.

На протяжении всей своей жизни Борис Васильевич работал в самой различной технике. Он, пожалуй, одинаково любил масляные краски, гуашь, темперу, соус, фламастер, карандаш, смешанную технику и потому считал себя в равной степени живописцем и графиком,

твердо зная одно: рисунок, композиция — основа всего изобразительного искусства. И для живописца вовсе не безразлично, хороший он рисовальщик или не очень. Свой талант, школу, технику Миловидов ставил на службу задачам, которые считал для себя — человека, художника, гражданина — первостепенными.

Одну из самых главных задач нашего времени он видел в борьбе людей за сохранность окружающей нас природы. Ему всегда было непонятно, как может забыть человек, что сам он — создание природы, ее венец, ее разум и чувства. Почему же на земле варварски истребляются животные, откуда берутся лесные пожары, загрязненные сточными водами реки? Этой мысли посвящена целая серия графических работ Миловидова, которую сам он назвал «Всюду жизнь». В ней он выступает как человек, обеспокоенный судьбой «братьев наших меньших». «Жизнь везде, — как бы утверждает своими рисунками художник. — Посмотрите, как она прекрасна. Однако ее надо защищать от людей нерадивых».

Прекрасное воспевает Миловидов в своей картине «Пробуждение», где в утреннем, только что проснувшемся лесу, в свете первых лучей солнца видны спокойно идущие лоси. Они верят людям — сильным и добрым друзьям, не ждут предательского выстрела, который, возможно, через минуту грянет из-за ближайшего дерева. Этого не понимают лоси, однако понимает и тревожится человек, стоящий перед изображенным пейзажем. Хорошая, нужная, полезная тревога за природу, часто незащищенную и гибнущую от человеческого равнодушия.

Та же забота о «меньших братьях» выражена и в другом графическом листе «Большой осенний форум». Сотни ласточек на телеграфных проводах собирались перед полетом на юг. Зрителя не покидает впечатление, что они не просто слетелись, чтобы всем вместе подняться в небо и следовать извечным путем, кото-

рым ведет их инстинкт. Ласточки словно чем-то встревожены и обсуждают нечто важное и неотложное.

Те, кто хорошо знал Бориса Васильевича, понимали, насколько закономерно появление у него подобных произведений. Необычайно добрый к людям, он всегда проявлял заботу старшего и сильного по отношению к животным.

— Если бы вы знали, какое это тяжелое и жалкое зрелище — раненные в бою лошади,— не раз делился он с друзьями впечатлениями войны.— Сколько муки и страданий в их глазах! И какое терпение!

Гнедой жеребец Зонтик, что был у газового объездчика в Пристанном, хорошо знал: художник ни за что не пройдет мимо него с пустыми руками, обязательно угостит хлебом или сахаром. Не удивительно, что каждое появление Бориса Васильевича вызывало веселое ржание Зонтика. Собаки, кошки — все чувствовали его заботу и отвечали ему любовью и привязанностью.

Как-то Борис Васильевич вместе с Надеждой Павловной поехал на Зеленый остров. День был солнечный, теплый. Идя босиком по песчаному мелководью, они услышали громкий лягушачий концерт. Как же громко квакали зеленые самцы, услаждая слух своих «дам»! После выяснилось: это было время брачного периода в жизни лягушек, вот они и «распелись» на солнышке. Художнику очень захотелось запечатлеть столь «значительное» событие. Однако зарисовать на ходу оказалось делом нелегким: квакушки вовсе не хотели ждать, пока их зарисуют. И тогда решено было двух лягушек увезти домой в бидоне. Назавтра родился один из лучших рисунков Миловидова, где несколько лягушек, словно завороженные, выполняли свое «обрядовое» песнопение. Он назвал его «Сerenада». Когда рисунок был закончен, отвезли лягушек на Зеленый остров на то же самое место, где их взяли.

В семье Миловидовых много лет живут воспоминания о том, как много значил для Бориса Васильевича

каждый приезд в наш город зверинца или зоовыставки. Он зарисовывал животных для детских книжек, для всяких непредвиденных иллюстраций, будущих картин, а, пожалуй, больше всего для собственного удовольствия. Умиротворенным, веселым возвращался художник домой после таких вылазок «на природу». С некоторыми животными ему удавалось установить настоящую дружбу, и это его очень радовало.

Особенно запомнился ему гамадрил Шурка. И бунтовал же он вначале, когда Борис Васильевич садился против клетки и начинал рисовать. Что он только не вытворял: кувыркался, поворачивался к художнику спиной. Пришлось набраться терпения, чтобы завязать хоть какие-то отношения с обезьянкой. Чаще всего удавалось смирить бунтаря конфеткой в яркой обертке, яблоком, печеньем. Дело кончилось тем, что, к удовольствию посетителей зверинца, а больше всего самого Бориса Васильевича, гамадрил каждый раз приветствовал его появление, здороваясь с ним за руку.

Миловидов не только любовался красотой форм животных, их повадками, но и видел их своеобразное благородство, как никто, понимал трудности их бытия. Не случайно бенгальский тигр на его рисунке лежит, свернувшись как котенок, да еще с такими грустными глазами, что невольно возникает жалость к нему.

Над какой бы темой ни трудился художник, в каком бы жанре ни выступал, точная характеристика каждого образа в его работах, запечатленная в них обстановка часто заставляет забывать о средствах, которыми это достигнуто. Он всегда ощутимо передает фактуру предмета. Именно это качество привлекает в его натюрмортах. «Плоды Грузии» — так называется один из них. В темно-красной гамме, преобладающей на холсте, совершенно осязаемо воспринимаются яблоки, орехи, гранаты, разложенные на столе. Вино в сером керамическом кувшине кажется густым и теплым. Ароматом юга веет от этого натюрморта.

Богатством сочных красок радуют хризантемы, поставленные в вазу. Белые, красные, желтые, сиреневые цветы так свежи, что зритель невольно ищет на их лепестках капельки росы. А разве можно забыть написанные художником скромные голубые цветы цикория, над которыми не властен зной волжского солнца?

Итак, пейзажист-живописец, график, прекрасный рисовальщик, что ж, он так никогда и не обращался к изображению человеческого характера? Ничего подобного. Художнические интересы Миловидова были широки и разнообразны.

Несколько портретов, выполненных маслом, карандашом, гуашью, смешанной техникой, составляют одну из интереснейших сторон его творчества. Борис Васильевич всегда очень тонко чувствовал духовный мир человека, верно постигал его суть. Нельзя забыть портрет старика с задумчивым, мудрым и добрым выражением голубых глаз (масло). Хочется рассматривать, вникая в тончайшие детали, графический портрет «Голова натурщика», отличающийся очень мягким штрихом. А другие замечательные портреты: дочери Инны (масло), художника Д. Севастьянова (уголь, гуашь), саратовского скульптора Э. Эккерта (карандаш)! Немного жаль, что сам Борис Васильевич не считал для себя портрет главным жанром и потому уделял ему время лишь по возможности. Однако ответственность перед этим жанром он чувствовал немалую. Персонаж каждого его портрета — это человек своего времени, всегда прямой и честный, цельный и чистый — именно такие люди окружали художника, любили его и были им любимы.

Многие работы Б. В. Миловидова по достоинству заняли свое место в экспозициях музеев, в том числе в художественном музее имени А. Н. Радищева, в Саратовском краеведческом, в Вольском музее и в картинной галерее города Хвалынска.

ОН ВИДЕЛ «ДУШУ» КНИГИ

Серьезным увлечением Бориса Васильевича Миловидова на протяжении всей жизни была книжная графика. Он родился в семье саратовского полиграфиста, некогда работавшего в Москве у Сытина, крупнейшего книгоиздателя России. И потому с детства умел рассмотреть в книге то, что для любого другого читателя не представляло интереса или просто оставалось незамеченным.

Художники книги черпают материал для своего творчества в мире, созданном другим человеком, но видят книгу, ее героев, их радости и горести по-авторски глубоко и детально.

Понимание всей сложной специфики книжной графики, огромная любовь к книге вообще подготовили и определили то, что еще в 1928 году Миловидов практически заинтересовался книжно-плакатным делом и выполнил первые свои работы в Саратовском областном книжном издательстве. Через два года он стал его художественным редактором.

Обязанностью Миловидова стало собирать вокруг издательства художников-графиков, в каждом случае помочь им увидеть «душу» той или иной книги, найти верное решение. Для этой роли у Бориса Васильевича было все: способность глубоко анализировать любой материал, отличный вкус и творческое чутье. К тому же большое человеческое обаяние Бориса Васильевича и его огромный такт в работе с людьми привлекали к нему художников самых различных, зарождали в них желание «пробовать себя» в новом для них виде искусства, которым Борис Васильевич, как ни-

кто другой, умел их заинтересовать. Вместе с художниками-оформителями он обдумывал, как будет выглядеть будущая книга по своей изобразительной структуре, какую сделать обложку, как лучше расположить иллюстрации внутри книги.

Миловидов отлично знал технологию полиграфического производства, знал, каким способом тот или иной рисунок лучше всего воспроизвести. Иногда приходилось и спорить с типографией, доказывая целесообразность и преимущество одного технологического метода перед другим.

Несколько лет работы Миловидова художественным редактором способствовали становлению в Саратове книжного дела на хорошем художественном уровне. Однако было нелегко сочетать эту деятельность с преподаванием в училище и своей творческой работой, без которой Борис Васильевич не представлял себе человека его профессии. Пришлось отказаться от должности художественного редактора, но он оставался до конца своей жизни членом художественного совета издательства и продолжал здесь активно сотрудничать.

За сорок с лишним лет, как книжный график, он оформил и иллюстрировал более ста пятидесяти книг — художественных (в том числе произведения русской классики, советских и зарубежных писателей), книг политической литературы и научно-популярной, особенно много произведений местных авторов.

В 1956 и 1957 годах Борис Васильевич участвовал во всесоюзных выставках книги в Москве, позже — на международных выставках в странах народной демократии.

В журнале «Полиграфическое производство» несколько обложек художника были воспроизведены как образцы наиболее удачного оформления. Автор книги «Изобразительное искусство РСФСР» М. П. Сокольников называет саратовца Б. В. Миловидова «от-

личным мастером книжной графики», у которого сложился свой графический язык.

Иллюстрируя книги, Борис Васильевич широко использовал огромный жизненный опыт, хорошее знание художественной литературы. Умелый творческий поиск помогал ему прийти к самым сложным и самым интересным решениям.

Истинный художник никогда не бывает до конца удовлетворен тем, что выходит из-под его пера, карандаша, кисти. В этом — одна из основных закономерностей творчества. И все-таки сам художник всегда чувствует, какие произведения ему наиболее удались. К таким удачам Борис Васильевич относил в первую очередь сборники фольклора Саратовской области, составленные профессором Саратовского университета Т. М. Акимовой. И особенно — самый последний из них. Книга эта включила в себя истинные сокровища народного творчества Саратовского Поволжья: пыльщины, песни исторические, боевые солдатские, ямщицкие, бурлацкие, старинные революционные, хороводные, игровые, свадебные, детские, юмористические, частушки, загадки и сказки.

Поиск был длительным и глубоким. Каждую свою находку, каждое решение художник обязательно обсуждал с автором — Татьяной Михайловной Акимовой. С самого начала была договоренность использовать в оформлении книги главным образом народный орнамент. Но где его взять?

Еще в 1937 году, оформляя самый первый сборник, составленный Т. М. Акимовой и П. Д. Степановым, Борис Васильевич нашел в краеведческом музее такие художественные ценности, о существовании которых и не предполагал вовсе. Орнаментация вышивок на старинных женских платьях, мужских рубахах, полотенцах с их замысловатыми узорами, петушиными силуэтами, златоперыми рыбами и русалками послужила ему прекрасным источником для оформления обложки,

форзаца и заставок. На этот же раз Татьяна Михайловна посоветовала:

— А что если снова обратиться к музейным фондам, посмотреть резьбу и распись на таких предметах домашнего обихода, как прялки, сундуки, посуда?

И вот работа иллюстратора превратилась в подлинную работу ученого, который должен был точно разобраться, что означает тот или иной орнамент, к какому времени и к какому стилю относится, в наших краях родился или привезен на Волгу с Севера или Украины.

К своей большой радости, Борис Васильевич нашел на редкость красиво расписанные ложки и блюда, липовые пряничные доски, оказавшиеся штампами для самых затейливых пряников. А со скольких старых вывесок, картинок русского лубка он перенес детали в книжный орнамент!

Так появилась книга «Фольклор Саратовской области», с обложкой и суперобложкой, с форзацем, выполненными Миловидовым в духе народного творчества с необычайным вкусом и выдержаным художественным стилем. Книга эта признана одной из лучших в Прикамском книжном издательстве.

В Борисе Васильевиче всегда жило глубокое уважение к русской старине и понимание своеобразия ее стиля. Однако он понимал и другое: как важно в оформлении соответствующей книги сохранить чувство меры, чтобы старина не подкарауливала назойливо читателя на каждой странице. К лучшим его работам принадлежит книга С. Злобина «Степан Разин», в суперобложке которой художник применил простое, но достаточно выразительное средство, написав название романа в стиле славянской вязи. И одно это как бы подчеркнуло характер произведения, время действия, строгость повествования.

Та же строгость, идущая от некоторой скрупульности оформительских средств, характерна для книг зару-

бежной классики, таких, как «Кола Брюньон» Ромена Роллана, «Большие надежды» Чарльза Диккенса, книга, куда вошли романы Эриха Марии Ремарка «Три товарища» и «Время жить и время умирать».

Есть у Бориса Васильевича неоколько книжных работ, связанных с темой войны. В 1948 году в местном издательстве вышла повесть П. П. Вершигоры «Люди с чистой совестью» — о партизанах Брянщины. Многое вспомнилось художнику, когда он листал страницы этой книги. Как бы ожила картина темной ночи, когда он и его товарищи с помощью партизан бежали из немецкого плена. Ярким всполохом памяти осветилась дорога, по которой партизаны увозили их навстречу свободе, возвращая каждому его право встать в ряды борцов с фашизмом за счастье и независимость Родины.

И вот появилась на обложке документальной повести Вершигоры небольшая картинка: партизаны в лесу, и с ними кони, их надежные помощники и друзья. Рисунок без особых претензий, но выверенный самой жизнью.

Совсем другим предстает художник в небольшой книжечке «Природа Саратовской области». Здесь он со щедростью живописца воспроизвел на обложке Волгу, пароход, зеленые холмы на горизонте и степь, раскинувшуюся в приволжской равнине.

С особым удовольствием Борис Васильевич брался за работу над книгами саратовских писателей. Ей всегда предшествовали встречи с авторами, горячие споры, результатами которых были яркие творческие находки.

В книгах Г. Боровикова, В. Бабушкина, Б. Озерного, В. Тимохина и других авторов он, как всегда, точно улавливал настроение, стиль, что помогало определить его задачу оформителя.

Трудно назвать издание, в котором художнику принадлежала бы большая роль, чем в детской книге.

Много их оформил и иллюстрировал Борис Васильевич. Его всегда радовала мысль, что юные читатели благодаря его стараниям по-настоящему сроднятся с героями книг, узнают много нового и очень нужного им. Эти книги сделаны с большой выдумкой, а рисунки всегда интересны по своей композиции и свободной манере исполнения.

Любят дети книжку нашего земляка Льва Кассиля «Кондуйт». В 1935 году она должна была выйти в Саратове, и Миловидову предложили сделать к ней обложку и форзац.

— А рисунки,—сказали ему,—Кукрыниксов. Будут взяты из Московского издания.

Это обстоятельство очень усложняло задачу тогда еще молодого художника. Шутка ли — Кукрыники! Выступление соавтором таких известных мастеров обязывало к тому, чтобы оформление книги было сделано на высоком профессиональном уровне.

И на этот раз обложку Борис Васильевич сделал скромную. Авторская идея была выражена через форзац, по которому разбросаны в различных плоскостях предметы, имеющие самое непосредственное отношение к старой гимназии и к детству мальчишек — героев этой книги. Так, на серо-голубом фоне форзаца художник нарисовал гимназическую фуражку с кокардой, ремень с металлической пряжкой, книги о Нате Пинкертоне и Шерлоке Холмсе, гимназический дневник, рогатку, из которой удобно стрелять по воробьям, ранец и просто алгебраические формулы... Ясно, что в книге говорится обо всем этом... Но что говорится и как? Разве можно было устоять против соблазна узнать об удивительных историях гимназиста и его младшего брата! «Кондуйт» считалась одной из лучших книг Бориса Васильевича.

Нельзя не вспомнить его иллюстрации к сказкам саратовского писателя А. Матвеенко «Серая утица» и «Стрекоза-хвастунья». Каждый рисунок запечателел

какой-нибудь наиболее интересный момент, достаточно динамичный, чтобы юный читатель рассматривал его со вниманием. Тонкая техника распределила свет и тени так, что рисунки эти хотя и достаточно насыщены штрихом, но как бы содержат много воздуха. Они правдивы и красивы, веришь, что герои сказок именно такие, какими изобразил их художник. На обложку книги вынесен рисунок мчащегося по океану-морю «судна-суденышка» с белым парусом, поднятым против ветра.

Самой последней в жизни Бориса Васильевича книгой и, пожалуй, одной из лучших суждено было стать опять-таки детской книге — «Диво-дивное», в которой хороший друг ребят учитель биологии Н. И. Леденцов в занимательной форме рассказывает об удивительных, редкостных животных, обитающих на нашей планете.

Выпуску этой книги в свет Приволжским книжным издательством предшествовала большая работа художника. Так, на каждой странице появились цветные рисунки животных, птиц, рыб в обычных для них природных условиях.

Рассказывает
Н. И. Леденцов

Я часто вспоминаю наши творческие встречи с Борисом Васильевичем в его мастерской на Набережной Космонавтов... Он раскладывает только что законченные рисунки своей будущей книги и поясняет:

— Вот и дикуша... А это угадали кто?

— Казарка, — отвечаю я. — А дикуша такая же доверчивая, как в природе. Смотрит, а улетать не собирается. Верит в человеческую доброту.

Борис Васильевич улыбается и говорит:

— Боюсь за полиграфию... Не всегда получается задумка художника. То краски переложат, то еще что...

Вот думаю над обложкой. Ведь очень важно иметь нарядную обложку, особенно для детей.

— Дети любят птичку колибри за ее яркое оперение,— осторожно говорю я.

— Калибри? — переспросил он.— Надо попробовать.— И тут же задумался.

Я понял, что художник уже мысленно рисует обложку, составляет ее композицию, с присущей ему осторожностью набрасывает детали. А вскоре он показал мне эскиз замечательной обложки, где на черном фоне изображена птичка колибри, сунувшая свой длинный клюв в пунцово-красный цветок.

**Из письма
журналиста С. Кристи**

Дорогой Борис Васильевич!

Сердечно благодарю Вас за книгу «Диво-дивное», которую Вы мне прислали. Я с удовольствием листал ее страницы, вглядываясь в рисунки, и радовался, что большая работа Ваша реализована и уже служит читателю. Книга эта — еще одно доказательство самого главного Вашего дара — доброты. Для того чтобы с таким разнообразием и столь «очеловечено» изобразить мир животных, нужно быть очень добрым человеком.

И тема книги прекрасна, и текст мне понравился. Как все это нужно, потому что постоянная угроза животному миру не может нас не волновать. Ведь животный мир всегда находится в огне войны, причем сразу в трех измерениях — в высоте поднебесной, на земной тверди и в глубинах морских.

Я со всем согласен в этой книге — с ее словесной тканью и с Вашиими иллюстрациями, только с одним — нет. На титуле написано, что книга эта для младшего и среднего возраста. Для всех возрастов она!

В работе над книгой «Диво-дивное» помогли Борису Васильевичу его любовь к природе, его умение радоваться утренней заре и оранжевым бликам заходящего солнца на речной глади. Наконец, его убежденность в невозможности человека пользоваться своим превосходством сильного перед животным, для которых Земля — такая же родная планета, как и для нас. В этом также сказалось его душевное благородство, высокое достоинство человека и художника.

Накануне того дня, о котором после долго вспоминали в училище, Борис Васильевич заглянул в группу второкурсников, где вел живопись, нашел Василия Фомичева и спросил его:

— Вы можете прийти рано утром на Верхний базар?

Борис Васильевич своих учеников всегда уважительно называл на «Вы» и, конечно, никогда не обращался к ним с личными просьбами. Василий просто не представлял себе, для чего он вдруг понадобился на базаре, но этому человеку рад был помочь чем угодно. Договорились встретиться.

Еще никого не было в училище, когда Борис Васильевич и его ученик принесли сюда живого петуха золотистого оперения, с роскошным хвостом и огромным красным гребнем. Постановка для необычного натюрморта была продумана заранее. Василий соорудил из большой круглой палки насест, посадили на него петуха, сзади повесили темную драпировку, собрав ее крупными складками, а ниже, на столе, поставили керамическую кринку, положили несколько картофелин — вот и все.

Собравшись к началу занятий, учащиеся немедленно взялись за кисти. Каждый понимал: заартачится петушок, и все пропало. Однако, ко всеобщему удивлению, петух сидел, словно натурщик, иногда лишь нетерпеливо потряхивая головой.

Просидел он спокойно первый урок, потом второй, а кисти делали свое дело, выписывая волшебную гамму красок. Все это было так необычно, что никому и

в голову не приходило оторваться от работы и пойти на перемену.

А потом многие спрашивали второкурсников: «Чем это вы там занимались?»

— Писали натюрморт...

— Да нет, — поправляли другие. — Натюрморт означает «мертвая природа», а тут самая что ни на есть живая. Сидит эта «живая природа» и позирует. Ну, мы, конечно, торопились писать, потому что, если петух убежит, — все пропало.

**Из воспоминаний
саратовского художника
В. О. Фомичева**

Такое мог придумать только Борис Васильевич. Он был замечательный человек и прекрасный преподаватель, которому мы, его ученики, обязаны очень многим.

Первый раз я встретился с ним на втором курсе; это был урок живописи. До того я пользовался только акварелью, и все шло хорошо. А вот работа масляными красками никак не удавалась. Я попросту побаивался этого незнакомого мне материала, да и красок было мало. Одним словом, первый натюрморт не получился.

Когда я сидел совершенно расстроенный и в голове моей рождались горькие мысли, ко мне подошел наш новый преподаватель.

— Почему так робко? — спросил он, рассматривая мою работу. — Надо сочнее, не жалейте красок... А, кстати, где они?

Борис Васильевич посмотрел на меня и все понял. Он вышел куда-то и, вернувшись через несколько минут, принес тюбики, содержимое которых стал выдавать на мою палитру, сразу засверкавшую разноцветной радугой.

— Смелее,— сказал он, поощрительно улыбнувшись.— Искусство всегда на стороне дерзающих.

С этого дня, мне кажется, я стал другим, может быть, потому, что вдруг понял: он верит в меня и хочет, чтобы я сам в себя поверил. Да и возможно ли без этого стать художником?

Заботу своего учителя я ощущал и на следующих курсах, где он преподавал живопись и рисунок. Однако в ней не было ничего, напоминающего опеку мастера над учеником. Борис Васильевич всегда делал ставку на то, чтобы заставить учащегося работать самостоятельно. Именно от него мы узнали, что у настоящего художника должен быть свой подход к натуре, свое цветовое решение холста. И если отсутствует авторское своеобразие, никакое вмешательство, даже большого таланта, не способствует рождению хорошей картины.

Ныне Василий Осипович Фомичев один из наиболее интересных живописцев Саратова, признанный певец трудовой Волги. О Миловидове он вспоминает с большой теплотой и благодарностью, как, впрочем, и другие его ученики.

Говорят, после смерти учитель живет в своих учениках, в их делах, их произведениях. Но так бывает лишь в том случае, если учитель — это личность, то есть человек высокого интеллекта, твердой воли, умеющий отстоять свои взгляды на жизнь. И обязательно — человек, по-доброму, щедро раскрывающийся в своих отношениях с людьми.

Именно таким остался в памяти своих учеников Борис Васильевич Миловидов, отдавший сорок лет жизни воспитанию мастеров изобразительного искусства. С чувством огромной ответственности и достоинством он передавал им эстафету продолжателей и горячих пропагандистов большого реалистического ис-

кусства. Воспитанников у Миловидова было очень много: почти все саратовские художники старшего и среднего поколений считают его своим учителем. Имена многих стали известны не только за пределами Саратова, но и за рубежом. Он гордился такими своими учениками, как народный художник СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР Н. Н. Жуков, народный художник РСФСР И. В. Севастьянов, заслуженный художник РСФСР С. Г. Сахаров, заслуженный художник Таджикской ССР И. А. Ершов, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии СССР Н. А. Архангельский, известный в стране акварелист Виктор Климашин, и многими другими талантливыми мастерами изобразительного искусства.

Трудно сказать, что больше приносит удовлетворение — собственное творчество или сознание того, что с твоей помощью формировалось яркое дарование. В жизни Бориса Васильевича то и другое было одинаково необходимо и важно. И все-таки он был прирожденный педагог, потому что в нем жила неуемная потребность делиться с людьми своими знаниями. Ведь то, что отдано людям, — остается, что не успеешь отдать — потеряно навсегда.

Борис Васильевич преподавал в училище рисунок, живопись, а еще раньше — литографию. Он был человеком, влюбленным в свое дело, очень эрудированным, легко мог ответить учащимся на любой вопрос. А ведь в двадцатых и тридцатых годах он был одним из самых молодых преподавателей. Вместе с ним работали его старшие товарищи, давно получившие признание как педагоги и интересные художники,— Б. А. Зенкевич, К. Г. Поляков, В. М. Юстицкий, Ф. В. Белоусов, Е. В. Егоров. Позже сюда пришли В. Ф. Гуров, И. Н. Щеглов, Э. Ф. Эккерт и другие.

Вскоре и учащиеся, и преподаватели убедились: уроки Миловидова настолько содержательны и необыч-

но построены, что в них, уже с первых лет, обозначился его собственный, миловидовский, метод, к которому стали присматриваться даже самые опытные педагоги.

Далеко не все художники умеют ярко и красиво говорить. Чаще всего это молчаливые люди, возможно, потому, что, работая над произведением иногда годами, они остаются наедине с собой. Миловидов умел и показать и рассказать, четко формулируя мысли. К его глубоким раздумьям об изобразительном искусстве и людях, посвятивших себя ему, всегда внимательно прислушивались молодые художники, и это помогло им понять главное.

**Из записок
Б. В. Миловидова**

Сохранились наскальные изображения, сделанные много тысячелетий назад. Даже представить себе трудно этих древних художников, живших словно в другом мире, а их мысли и чувства сохранились до наших дней. Такова особенность нашего искусства. И это чудесно!

Но есть в этом искусстве, как и в жизни художников, свои трудности, свои сложности, о которых не следует забывать. Иногда мне кажется, что художник подобен геологу, путь которого труден необычайно. Выходит геолог на поиск, бродит по горам, долинам, степям и лесам, заходя порой бог знает в какие дебри. И вдруг находит то, что так долго искал. Начал копать... Да вдруг показалось ему, что где-то богаче залежи, и он, не жалея затраченного труда, идет дальше, в неизвестность. А ведь драгоценная порода была здесь, под ногами, совсем рядом, и, может быть, больше нигде он не встретится с ней. Как часто то же самое случается с художником. И самое интересное в том, что вины его в этом нет. Нельзя отказываться от поиска, без него нет настоящего творчества! Что ж поделаешь, интуиция иногда обманывает.

Есть еще немало и других сложностей в нашей профессии. Когда я нахожусь в зрительном зале театра, искренне завидую актерам, каждым своим словом, каждым жестом вступающим в контакт со зрителем. Кончается спектакль, актеры и постановщики сразу чувствуют, нашли они путь к сердцам человеческим или нет.

Судьба художника иная. Он создает свое произведение, которое смотрят и, возможно, будут смотреть люди разных времен. Но только в редких случаях художник непосредственно вступает в контакт со зрителем, да и то после того, как дело сделано. А ведь мнение людей о его картине или рисунках, книгах, им иллюстрированных, ох как нужно ему, и особенно в период работы над произведением. Так надо искать эти контакты своевременно.

Борис Васильевич хорошо понимал, что его работа в училище обязывает ко многому и, в частности, к глубокому проникновению в технику живописи, рисунка, книжной графики. Во всяком случае, его ученики должны уметь ею пользоваться. Разве не прав был Родэн, утверждая, что «...только владея в совершенстве техникой, можно заставить зрителя забыть о ней»?

И вот он интересуется старыми рецептами грунтов и красок, применявшимися еще иконописцами для фресковой живописи, а также на холсте и дереве. Изучив технику настенного письма, Борис Васильевич решил вместе со своим учеником Борисом Павловичем Бобровым и художником Евгением Федоровичем Тимофеевым сделать в одной из комнат Дворца пионеров настенное панно на тему басен Крылова. Это была роспись по левкасу асфальтовым лаком. Несколько лет спустя он с теми же художниками реставрировал эти рисунки. Сложную технику реставрации тоже предложил Миловидов. Еще позже он осуществил стенную

регистрировались в отделе редкой книги научной библиотеки Саратовского университета.

Очень интересовалась его также техника гуаши и темперы, к которым с годами художник прибегал все чаще и чаще. А сколько он сам производил экспериментов, всегда тщательно записываемых, и каждый эксперимент, каждая находка обязательно становились достоянием его учеников.

...Они сидели в «Липках» на садовой скамейке, преподаватель и учащийся, любуясь щедростью осенних красок.

— Все писал бы и писал пейзажи,— говорил юноша Борису Васильевичу,— потому что в этом вижу главное для себя. А вот зубрить анатомию — не могу, не чувствую призыва. Что я, медик, что ли? — уже явно жаловался он.

— Так.— Учитель озабоченно посмотрел на собеседника.— А вы можете представить себе Леонардо да Винчи, не знаяшим анатомии человеческого тела? Или Микеланджело, Репина, Антокольского... Вряд ли теперь нас радовали бы их шедевры.

— Но ведь существует и абстрактное искусство,— возразил юноша.

— Да, к сожалению. Это искусство для слепых, если речь идет о живописи или скульптуре, для глухих — если о музыке. Только реалистическое искусство отражает истинную жизнь и понятно народу. Кстати, об анатомии. Не только человеческое тело должен знать художник. Рисуешь лошадь — изучай анатомию лошади... Дерево и то имеет свой скелет — ствол, сучья, в листьях — тоже свое построение. Значит, надо еще владеть геометрическим построением любого предмета.

Будущий художник опустил голову. Его «смелые» суждения о современном искусстве не нашли поддержки.

Бороться за каждого, кто переступил порог училища,— пожалуй, так можно было сформулировать

девиз Миловидова-педагога. Только с кем бороться? Если вспомнить многие факты из его педагогической практики, ответ прост — чаще всего с самими учащимися, то неожиданно спасавшими перед трудностями и потерявшими веру в свое призвание, то просто увлекшимися свободой студенческой обстановки после строгой школьной дисциплины. И он боролся, тактично, без шума, без громких слов.

— Борис Васильевич, уголь не слушается меня.

Преподаватель подошел к Алаторцеву. На листе старательно было нарисовано гипсовое колесо, но без легкости гипса, тяжелое и неподвижное. Тогда он молча провел рукой по нижней части рисунка, мгновенно смазав грани. Георгий вопросительно вскинул глаза: что это — недобрая оценка его работы? И снова перевел их на лист... Свершилось чудо. Колесо словно сдвинулось с мертвоточки и пошло.

— Ну как? Поняли?

Алаторцев облегченно вздохнул. Значит, просто не хватает опыта... Но ведь это дело наживное.

А потом были еще волнения. И снова рассеял сомнения, снова заставил поверить в себя Борис Васильевич.

Однажды Георгию Алаторцеву пришла в голову беспокойная мысль: нужно ли так стараться выписывать детали и в графике, и в живописи? Не засушит ли это в нем художника, не отвлечет ли от главных цветовых решений?

— А вы вспомните, Борис Васильевич, живописную манеру Архипова. Какой у него крупный мазок, какой размах! И на выписывание деталей он не отвлекался.

— Между прочим, все художники разные. Что характерно для одного, неприемлемо для другого. Вам вот нравится размах Архипова, его крупные мазки. Но, думаете, так он писал с самого начала? Совсем нет.

Начинающему живописцу или графику надо научиться присматриваться к деталям, точно воспроизводить их. Без этого нет настоящей школы. А там уж размахивайтесь, как хотите, это ваше право.

На этом разговор закончился. Сейчас Георгий Васильевич Алаторцев — один из преподавателей Армавирской детской художественной школы. Сколько раз он убеждался в справедливости этих слов.

Из воспоминаний
В. Ф. Найденко, художника
московского издательства
«Мысль»

Память о Борисе Васильевиче — педагоге особенно связана у меня с четвертым курсом, на котором он вел рисунок. Делал свои замечания неторопливо, доброжелательно, с большим тактом. Иногда брал карандаш и, уточняя сказанное, рисовал на полях. В то время мы рисовали живую модель, и его любимыми постановками были дед-пасечник, солдат в шинели, рыбак с сетью. Все это служило как бы подготовкой к нашим будущим дипломным работам.

Строгостью и методической продуманностью отличались требования нашего учителя к академическому рисунку. Часто приходил он к нам с папкой, в которой приносил рисунки старых мастеров. А когда готовил каждому из нас задание, учитывал наши, пусть еще не ярко проявленные, индивидуальности. Мне, например, часто давались задания проиллюстрировать литературное произведение. Борис Васильевич, пожалуй, больше, чем я, понимал эту мою склонность. Запомнились мне и встречи учащихся с художниками-графиками, ранее окончившими наше училище. Борис Васильевич когда-то учил их, и они с удовольствием откликались на его приглашение.

Постоянная работа над рисунком и живописью, развитие самостоятельных композиционных навыков —

все это успешно подготовило нас к работе над дипломными эскизами на пятом курсе. В этот период мы особенно часто видели нашего учителя у себя в мастерских. Его всегда умные, надежные советы были неоценимой помощью в нашей работе, на пороге самостоятельного творчества.

Дипломная работа — трудное испытание на пути начинающего художника. Испытание не только его профессиональной готовности, его художнического мышления, но и характера, умения мобилизовать себя перед трудностями.

Многие помнят случай, который произошел с одним из дипломников. Все шло хорошо, и вдруг парень перестал приходить в училище, в то время как его товарищи уже работали над композицией дипломного эскиза, горячо спорили, засиживались в мастерских допоздна. Одно было известно: он не болел, никуда не уехал, его даже видели неторопливо идущим по улице. Преподаватели решили принять срочные меры. Разыскали его дома, пытались выяснить причины. Но с каждым словом парень замыкался все больше и больше. Так «под конвоем» привели его в училище. Последний разговор в кабинете директора должен был определить его судьбу.

И вот тут впервые заговорил дотоле молчавший Миловидов:

— Может быть, сейчас отпустим его, в этом состоянии он все равно ничего не скажет. Я сам поговорю с ним позже.

Это было сказано тихо, но с такой силой убеждения, что все сразу согласились. Так потом никто и не узнал, в чем оказалась причина неожиданного срыва юноши и какой разговор повел с ним Борис Васильевич. Может быть, учитель говорил о том, что нет искусства без таланта, но нет его и без умения трудиться.

ся, ведь без труда любой талант меркнет. А может быть, о долге художника и гражданина... Только вдруг с парнем что-то случилось. Он стал работать чуть ли не сутками, словно ночи перестали для него существовать. Дипломный эскиз был закончен вовремя.

Ученики Бориса Васильевича живут в разных концах нашей страны. Многие из них писали ему, делились своими радостями, сомнениями, обсуждали с ним свои замыслы. Такие же искренние письма шли из Саратова. Миловидова и молодых художников связывала дружба, какая только возможна между единомышленниками, людьми, близкими по духу и мироощущению. Если же кто-либо из учеников приезжал издалека или учитель оказывался в городе, где жил и работал его ученик,— не было большей радости для того и другого, чем эта встреча.

11 мая 1963 года, в день, когда Миловидов уходил на пенсию, завершив сорокалетие своей педагогической деятельности, собралось столько его воспитанников, в том числе и большинство преподавателей училища, что просто казалось странным: как этот, в общем, еще не старый человек, сумел дать путевку в творческую жизнь почти своим ровесникам и совсем юным, только что перешагнувшим заветный порог.

Много было сказано теплых слов благодарности, добрых пожеланий: ...оставаться и дальше таким же молодым и деятельным, таким же оптимистом и человеколюбом...

Вдруг распахнулась дверь, и на пороге появились двое мужчин, темноволосых, смуглых, кожа которых, несмотря на весну, уже успела получить изрядную порцию загара от южного солнца. Они несли большой чемодан и улыбались.

— Привет от художников Кабарды, дорогой Борис Васильевич.— Надеемся, вы не забыли тех, кому отдали частицу своей души, — кабардинских юношей и девушек, которые больше двадцати лет назад при-

шли сюда, чтобы стать художниками. Они помнят вас и благодарят за все, что вы для них сделали.

Все сидящие за столом весело зааплодировали. А кабардинцы открыли чемодан и стали вынимать из него бутылки, сверкающие то темным рубином, то золотом.

— Настоящее кабардинское, — приговаривали гости, ставя их перед юбиляром, — дар самых лучших виноградных лоз... За ваше здоровье!.. За долгую жизни!.. За то, чтобы работалось без устали.

А потом из того же чемодана достали кинжал с рукояткой из черненого серебра и торжественно передали его Борису Васильевичу со словами:

— Настоящего джигита он украсит и в шестьдесят лет!

Обо всем этом Борис Васильевич рассказывал в своих письмах к тем, кто не сумел приехать в Саратов на его юбилей.

Неожиданно для многих Борис Васильевич отнесся к своему уходу на пенсию весьма спокойно и, пожалуй, даже с некоторым любопытством. Он говорил тогда: «Не может быть, чтобы я заскучал в этом новом для меня положении. Разве художник, писатель, композитор могут уйти от самого себя, от любимого дела? Не могут. А у меня столько замыслов...»

Из письма Б. В. Миловидова
к художнику А. Г. Илюшкину

Дорогой Антон Григорьевич! Спасибо за письмо. Мне уже давно хочется рассказать Вам кое о чем. Книгу о животных я сделал. Работал шесть месяцев. Окончив эту работу, перешел к этюдам. Сейчас делаю маленькое панно — сказку «Конек-горбунок», делаю по левкасу, творю, изобретаю. Увлекся. Когда работается по-настоящему — интересно, кроме того, идет накопление впечатлений и опыта. Писать бы еще лет

десять-пятнадцать, сохраняя энергию и трудоспособность. У меня есть задумки с человеческими персонажами.

Люблю утром рано проснуться и думать. Возраст мой тянет на размышления. Вот уже две темы обдумал. Буду делать, вероятно, триптих. Почему триптих? Форма удобная, можно писать фрагментами, и тема решится, а так понадобилось бы большую картину делать. Мне это уже физически нелегко. Эх, если бы не возраст!

В Саратовской области в этом году была страшная засуха: яровые сгорели, картошка высохла, фрукты на деревьях опадали, несмотря на полив, трава порыжела. Стояла мгла такая, что на солнце смотрел незащищенными глазами. За Волгой повысыхали малые реки, и населению возили воду в цистернах.

Какое же огромное событие, особенно на фоне такой картины,— строительство большого оросительного канала в нашем Заволжье! Уже пущены первые насосные станции. Вода пошла!!! Если бы мог — поехал бы туда пожить со строителями. Хотя бы репортажные зарисовки сделать. Интересная и важная тема!

Ему же, своему бывшему ученику, Антону Григорьевичу Илюшкину, несколько месяцев спустя Борис Васильевич писал о Третьем съезде художников России, делегатом которого он был избран в числе других товарищей от областной творческой организации Саратова. Делился своими впечатлениями о наиболее интересных выступлениях на заседаниях, о выставках, открытых в Москве к этому форуму мастеров изобразительного искусства. И очень тепло, с большим удовлетворением рассказывал о встречах с народным художником СССР, дважды лауреатом Государственной премии СССР членом-корреспондентом Академии художеств СССР Николаем Николаевичем Жуковым.

Всего на шесть лет Жуков был моложе своего учителя. Возможно, это одна из причин того, что началась их дружба еще в Саратовском училище, которое Жуков окончил в 1930 году. Борис Васильевич преподавал тогда литографию и рисунок — то, что более всего интересовало и волновало молодого талантливого художника.

Из письма Б. В. Миловидова
к А. Г. Илюшкину

Был я у Жукова, он ведь художественный руководитель в студии военных художников им. М. Б. Грекова. Посвятил он мне полтора дня, возил в студию, где я «отогрелся» душой. Там работают по-настоящему. В здании, специально выстроенном около военного музея,— 36 художников, у каждого мастерская. Работают много, с натуры, ездят во Вьетнам, делают огромные панорамы, диорамы — для этого существует особая большая мастерская.

К Жукову относятся уважительно. Он представлял меня как учителя, и мне охотно показывали свои работы.

Радуюсь, что студия, которой руководит мой ученик,— очаг здорового реалистического толка. Каждый художник здесь имеет свой почерк, но все объединены одной задачей.

Я вышел оттуда с уверенностью в том, что наше станковое искусство идет по правильному пути, успешно освобождаясь от некоторых влияний формалистического трюкачества. Реализм обязательно побеждает, если в искусстве заложен глубокий смысл, точная мысль, человеческие чувства.

...Жил я в Москве, в гостинице «Россия», окно номера выходило на Кремль, в том месте, где Василий Блаженный. Сделал несколько рисунков, сейчас заканчиваю работу над графическим листом. Люблю

Кремль, и Красную площадь, и Василия Блаженного! Это Русь, Родина!!!

Борис Васильевич с большим вниманием следил за творчеством Николая Николаевича Жукова, художника, неразрывно связанного с жизнью народа, которому он отдал свой талант. Знал едва ли не все рисунки его тематических циклов «К. Маркс и Ф. Энгельс» и замечательной Ленинианы.

В своих письмах к Николаю Николаевичу он отмечал непосредственность, с которой художнику удалось передать живой темперамент и ленинскую простоту, силу характера и огромное человеческое обаяние. Радовался сочетанию в его работах легкости, свойственной обычной зарисовке, с тонко продуманным контуром линий.

Огромным событием для Бориса Васильевича явились иллюстрации Жукова к книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». А его прекрасная серия «Фронтовых рисунков», серия «Дети», подкупающая удивительным пониманием детской психологии, добрым юмором и любовью, его незабываемые портреты писателей, ученых, художников, просто неизвестных людей, внешность которых представляет ярко выраженный характер!

Николай Николаевич с большой благодарностью принимал каждый отзыв Бориса Васильевича о своих произведениях. И совсем не случайно именно через него передал Саратовскому художественному музею двадцать своих рисунков-автолитографий, посвященных образу Владимира Ильича Ленина.

В многочисленных письмах к Миловидову Жуков хоть несколькими словами обязательно отмечал его большую роль в своей судьбе художника.

Вот строчки только из двух его писем разных лет, но как они красноречивы!

**Из писем народного
художника СССР
члена-корреспондента
Академии художеств СССР
Н. Н. Жукова к Б. В. Миловидову**

Дорогой Борис Васильевич! С Саратовом у меня связаны годы учения и давняя любовь к моему учителю Б. В. Миловидову... Рад за Вашу творческую энергию — источник постоянной и неиссякаемой радости.

(Москва, 3 января 1969 г.)

Дорогой Борис Васильевич!

Вы остались для меня самым близким человеком моей юности, и потому мне приятно рапортовать Вам о событиях своего искусства, которое теперь шагает уверенно и завоевывает у зрителя одобрение и добрые чувства.

Вчера открылась в окружном Доме офицеров моя выставка. Все прошло тепло, красиво и согревающе. Выставка продлится до 10 сентября. Был бы очень рад, если бы Вы сумели приехать, хотя бы на обсуждение. Сейчас начнутся у меня поездки, встречи и выступления.

Посылаю Вам каталог и моей другой выставки — той, что в московском музее Ленина. А также пять сувенирных открыток с моими рисунками, напечатанных в Италии, в период моей выставки там. Она имела большой успех.

Заканчиваю работу над книгой «Прекрасное — есть жизнь». Заглавие, как видите, взял у Н. Г. Чернышевского. Уже написана глава о Саратове и о моем воспитателе — дорогом Б. В. Миловидове. Будете в Москве — прочту, а если не сможете приехать, пошлю рукопись этой главы в Саратов.

Вчера получил Ваше письмо. Рад горящим внутри

Вас лампадам творчества — пишите, работайте. Это — радость, лучшее лекарство от всех болезней.

Итак, приезжайте, хочу видеть. Ведь мы сейчас почти рядом.

Ваш Николай

(Куйбышев, 21 августа 1973 г.)

Встреча в Куйбышеве была их последней встречей. Прошло всего лишь две недели, когда радио и газеты принесли тяжелую весть: умер выдающийся художник-коммунист, пламенный патрот Родины, отдавший свой талант и мастерство народу, — Н. Н. Жуков.

Борису Васильевичу эта смерть казалась просто нелепой, и ощущение потери преследовало его до конца жизни. Как и письма Николая Николаевича, он берег письмо его жены — Альбины Феликсовны Жуковой. В этом письме выражена суть отношений талантливого ученика к своему учителю.

**Из письма А. Ф. Жуковой
к Б. В. Миловидову**

...Нет у меня слов, чтобы утешить Вас. Коля оставил в своих записях так много воспоминаний о Вас, выражая чувства и мысли только в превосходной форме. Он был благодарен Вам за приобщение к искусству, за ремесло, которому Вы научили его, за Ваши удивительные, редкие качества педагога и друга, умудренного опытом. Вы участвовали в рождении художника Жукова, и в нем до конца дней оставалось то, что Вы сумели вложить в него. И когда я думаю об этом, моя боль отступает, мне становится легче, потому что часть этой боли берете на себя Вы и другие истинные друзья Николая Николаевича. Среди них Вы самый старший и самый мудрый...

Чем больше воспитанников, тем труднее воспитателю, но и радости несравненно больше. Миловидов всегда с нетерпением ждал писем и радовался нечаянным или давно задуманным встречам. Один из таких людей, общение с которыми много лет было необходимостью для него,— Иван Васильевич Севастьянов. Окончив художественное училище, он довольно долго оставался в Саратове. Самое интересное в этом периоде — работа художником в театре оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. Тогда Борису Васильевичу было легче определять ступеньки роста своего ученика: от декорации к декорации, от одного сценографического решения к другому, от спектакля к спектаклю. Когда Севастьянов уехал в Новосибирский оперный театр, каждодневные контакты нарушились, но интерес друг к другу от этого не ослабел. Пожалуй, даже наоборот.

Уже несколько лет И. В. Севастьянов — главный художник Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Переписка с Миловидовым продолжалась до последних дней жизни Бориса Васильевича.

Из Саратова в Ленинград писем было не меньше, и в каждом — его, миловидовское, отношение к жизни, к событиям, к искусству.

**Из писем Б. В. Миловидова
к художнику
И. В. Севастьянову**

Дорогой Иван Васильевич! Получил от Вас письмо, в котором Вы поздравляете с праздником Октября! Спасибо за память.

...Зимой, во время каникул, как всегда, учащиеся художественного училища ездили в Москву и Ленинград. В Ленинграде посетили выставку акварели и гуашь... Были там и Ваши работы — эскизы декораций к спектаклю «Борис Годунов». Рассказывают, что сразу

же были поражены их силой. Лишь после увидели имя автора.

Я видел эти эскизы еще в Новосибирске, когда ездил к дочери, и тогда же понял: ничего лучше из театральных эскизов я до этого не знал. Ну, меня Вы можете обвинить в пристрастии, но это — уже оценка народа...

Спасибо Вам, дорогой Иван Васильевич, за каталог. О том, что должна была состояться Ваша выставка, я знал из письма. Но когда — не представлял себе. Хорошо, что все уже собрано. Надеюсь, и я увижу Ваши работы воочию. Хотя и есть у меня опасение (это свойство моего характера — беспокоиться): а вдруг до Саратова не дойдет? Кому-то из ВТО может показаться достаточным экспонировать эскизы в Ленинграде и Новосибирске... Что тогда? Может быть, нужно сделать заявку на выставку в Саратове от нашего отделения ВТО или Союза художников? Напишите.

...То, что Вы были в Японии, — чрезвычайно интересно. Культура, совершенно отличная от европейской. Рад за Вас... Теперь у Вас диапазон-то какой — Европа, Азия... Великолепно!!!

В Саратов на адрес Б. В. Миловидова приходили письма еще от одного ученика, художника самобытного и яркого, много лет работавшего художественным редактором журнала «Огонек», — Виктора Климашина. На конверте стояли штемпели то китайских, то корейских городов, куда он выезжал в творческие командировки. Дважды совершал поездки в Индию. О своих впечатлениях взволнованно писал в последнем письме из Нью-Дели: «Как передать в живописи красочную жизнь этого народа, его труд, радость, гнев, весенние яркие свадьбы, ливень солнечных лучей, огни ночного города, вой шакалов и пение незнакомых птиц, буйство красок на базаре или звучание флейты деревенского бедняка?»

Позже выставки прекрасных акварелей, написанных Климашиным в результате этих поездок, вызвали признание прессы, художников и широкого круга зрителей.

К сожалению, Виктор Климашин ушел из жизни еще раньше Жукова. Эта смерть была первой незаживающей раной в сердце Бориса Васильевича.

* * *

В последние годы жизни Б. В. Миловидов работал удивительно много: писал, рисовал, оформлял и иллюстрировал книги, словно желая наверстать упущенное. За сорок лет педагогической деятельности ему нередко приходилось поступаться собственным творчеством — это была немалая жертва. За двенадцать пенсионных лет он взял реванш у времени, создав столько произведений, и таких, какие обычно появляются не в старости, а в годы расцвета и мудрой зрелости. Замыслы художника были интересны и смелы. На вопрос, заданный журналистом,— какое свое произведение он считает главным, Борис Васильевич ответил:

— То, которое еще не написано, но уже существует в моем сознании почти реально и даже снится по ночам.

Так же активно он продолжал вести общественную работу в Союзе художников, был одним из организаторов трех последних в его жизни выставок: посвященной теме Великой Отечественной войны, работам художников-фронтовиков и саратовскому агитплакату. Как гражданин и солдат, он не мог пройти мимо этого важного для воспитания молодежи дела. В своем письме к В. Ф. Найденко он писал: «Дню победы я придавал и придаю исключительное значение, ведь ради этого дня погибли миллионы людей — вот «стоимость» этого дня! День эпохи! Были ли во всей мировой истории события более значительные, чем Великая Отеч-

ственная война? Не были, во все времена не были! Священный день...»

Именно в последние годы Борису Васильевичу было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Никто не расценил это как награду у финниша, а видели в ней поощрение и благодарность за творчество, за новые интересные замыслы художника. А он по-прежнему был скромен, когда речь заходила о нем, и активен, когда отстаивались интересы организации художников, по-прежнему мягок и тактен, но абсолютно бескомпромиссен, когда дело касалось искусства.

Борис Васильевич был щедрым на чувства: умел радоваться каждому распустившемуся листочку, доброй встрече с друзьями, звонкому смеху ребенка. И не берег себя от эмоций отрицательных: с какой-то солдатской строгостью хоронил друзей, заботясь о том, чтобы память о них не канула в вечность. Все это было для него тем необходимым общением с жизнью, ее радостями и горестями, без которых он не мыслил своего существования.

Б. В. Миловидов умер скоропостижно, во время сердечного приступа, 17 июня 1975 года. Ему было семьдесят три года.

Но каким молодым предстал художник в своих произведениях, впервые собранных вместе за все годы творчества на посмертной выставке год спустя. Зрители и ученики художника, многие из которых специально приехали на vernisаж, обратили внимание на то, что каждая картина, каждый этюд несут в себе огромный заряд гражданственности, человеколюбия и оптимизма. Кто-то из художников вспомнил слова А. Н. Чечнева, сказанные им несколько лет назад на областной выставке:

— Вы только посмотрите, товарищи, у Миловида самые светлые, самые жизнерадостные пейзажи! Солнечная палитра!

Не было на этой персональной выставке человека, который не зашел бы в мемориальную мастерскую художника, посередине которой стоит его мольберт с последним незаконченным пейзажем. Рядом, на столике — этюдник с красками и кистями. И тут же — солдатская каска старшего сержанта Миловидова, в которой он шел по трудным дорогам войны. В ней — восемь орденских ленточек. Награды как самые дорогие реликвии хранятся в семье Бориса Васильевича.

Навсегда ушел человек, но растет ива, некогда посаженная им во дворе дома, звенят и несут людям чистую и прозрачную воду родники, которые он когда-то расчистил и оживил. Живет и творит свое прекрасное дело его искусство, радуя людей, воспитывая их ум и чувства. Приносят прекрасные плоды семена, посеянные им в душах его учеников. Именно в этом видел он свой долг и смысл жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

2

ОТ АВТОРА

3

НАЧАЛО ПУТИ

14

ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

25

ЛЮБИТЕ РОССИЮ

39

ОН ВИДЕЛ «ДУШУ» КНИГИ

48

УЧИТЕЛЬ

Озерная Роза Григорьевна

**художник
Б. В. МИЛОВИДОВ**

Редактор

Л. А. РОЗАНОВА

Художник

А. Б. БОБРОВ

Художественный редактор

В. К. ИВАНОВ

Технический редактор

Л. И. БОРИСОВА

Корректор

Г. С. ЯЛУНИНА

ИБ 362.

Сдано в набор 10/X 1977 г.

Подписано в печать 5/IV 1978 г.

НГ85349. Формат 70×100^{1/32}.

Бумага офсетная № 2.

Усл.-печ. л. 2,92+0,65 л. вклейки.

Уч.-изд. л. 2,85+0,7 л. вклейки.

Тираж 3500. Цена 25 коп.

Заказ 2705.

**Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.**

**Производственное объединение
«Полиграфист» Управления
издательств, полиграфии и книжной
торговли Саратовского облисполко-
ма. Саратов, пр. Кирова, 27.**

Озерная Р. Г.
О-46 Художник Б. В. Миловидов. Саратов, При-
волж. кн. изд-во, 1978.
72 с. с ил.

Много лет саратовский художник Б. В. Миловидов наряду с ра-
ботой над живописными полотнами с увлечением занимался книжной
графикой, интересно и творчески подходил к решению многих и раз-
нообразных тем. О его жизни и творчестве, педагогической деятель-
ности рассказывается в этой книге, рассчитанной на широкий круг
читателей.

80101

65-78

75C2

25 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978